

Игорь Леонидович
Костюченко

Хазарский оборотень

Роман

Игорь Костюченко

Хазарский оборотень. Роман

«Издательские решения»

Костюченко И. Л.

Хазарский оборотень. Роман / И. Л. Костюченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852468-4

Кривич Ставр, расследуя гибель своего отца, выходит на след таинственного Хазарского оборотня, убивающего людей в дремучих лесах у Воловьего озера. Но вскоре жизнь убеждает Ставра: не все в Полоцке верят в коварство нечисти. В стольном граде идет борьба за княжеский престол.

ISBN 978-5-44-852468-4

© Костюченко И. Л.
© Издательские решения

Содержание

Засада у Воловьего озера	6
Весть для Радомера	14
Материнская мольба	25
Сестра северянина	34
Видения кузнеца	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Хазарский оборотень

Роман

Игорь Леонидович Костюченко

© Игорь Леонидович Костюченко, 2017

ISBN 978-5-4485-2468-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Засада у Воловьего озера

«Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня»

Бытие, 14

Июль 973 года

– Неужто оборотня можно на копье без заговора взять? А, Ставр?

– Тихо, Доман. Смотри за тропой и молчи.

Парни притаились в орешнике у звериного водопоя, на бугре. Ставр и Доман – ровесники, каждому полных семнадцать лет. Широкоплечий, русоволосый Ставр умел ждать, крепко сжимая сильной рукой гибкое ясеневое копье. Чернявый Доман заметно волновался, то и дело поправлял бархатную шапку с куньей опушкой. В плечах был он поуже товарища, зато снаряжен солидно: на поясе короткий меч, наготове составной лук, рогатина, колчан до отказа набит стрелами.

Лес молчал. Ветер не раскачивал верхушки мрачных вековых елей. Горячее солнце нависало над камышами у кромки темного, как деготь, Воловьего озера. Покой – вечный, тягостный. Лежать под сенью орешника, слушать шепот легкого ветерка. Да вот только где он, ветер? Нет его. Никакого, даже самого малого дуновения. И душно.

Рядом с боярским сыном Доманом простолюдин Ставр держался строго и степенно, терпел, хотя ломило от духоты в висках. Сердце стучало тревожно, быстро. Рвалось из груди, требовало бега, движения. Но, ни шага нельзя сделать. Надо ждать. Долго.

Сладко и боязно всматриваться в озерную глубину. Ставр знал: в таких омутах, затерянных среди лесного бурелома, в глуши, живут русалки. Отец сказывал – сладко поют на вечерней заре. Уставший путник, следопыт или охотник, услышит их зов. Проклятые жены и девы протягивают прекрасные, бледные, опутанные тиной руки к несчастному. И никак не устоять. Соблазн велик – заслушаешься, глянь, а водяные девы тут как тут: ведут хоровод, пеленают сетями, накрепко связанными из ивового лыка, тащат в терема, что покоятся в тучном озерном иле.

В лесу первое дело – внимай, не спеши. Отец Ставра Боян служил при боярине Радомере ловчим. Батюшка, думал Ставр, как никто умел на след выйти, устроить засаду на разного зверя. Только, нередко твердил он сыну, супротив нечисти лесной нет управы. Навалятся оборотни да лешие, так и не отобьешься.

Однажды Боян сам едва не оказался в русалочьем плену. Да помогли светлые боги, отвели наваждение. Белобог послал милую Ладу в волшебном челне, сотворенном из золотого солнечного света. Благословила вестница всемогущего владыки миров, вывела из проклятого места. Остались позади топи, тропа привела в дубраву. Сказывал отец, что и добычей боги наградили в тот день. Красный зверь сам шел в руки. И не с пустыми торбами вернулся старый промысловик на двор славного боярина Радомира.

К русалкам спешат на потеху лешие, кикиморы, сила несметная, что подчиняется своему господину – Чернобогу. У русалочьей тропы выслеживать оборотня первое дело. Только здесь и можно его перенять.

Эх, отец, отец! Отправился на Воловье озеро и пропал в трясине. Кузнец Дубец принес семье Бояна дурную весть. Хотел коваль железной рудой у топей разжиться. А нашел суму. В ней нехитрый скарб ловчего Бояна. Краюха хлеба, любовно завернутая в рушник. По рушнику тому и признал Дубец, чья сума. Вышивала узоры алым по белому полотну Малуша,

мать Ставра, рукодельница знатная. Коваль твердил об оборотне, что увлек в трясины неосторожного ловчего. Ставр добивался от Дубца подробностей, но тот испуганно тарашился, кричал, рвал посконную рубаху. Рассказни о хазарском оборотне, повадившемся губить скот да людей у Воловьевой трясины, давно ходили на торжище в граде Полоцке. Ставр не верил сказкам. А на деле оказались они страшной былью.

Голосила по покойнику мать и вдова Малуша, вторила ей дочь Снежана. Один Ставр не плакал. Единственному в семье мужчине не пристало лить слезы. Он схватил копье, оттолкнул Дубца, пытавшегося встать на пути, бросился к лесному озеру. Увязался за ним боярич Доман. Ставр не отбил от него. Доман бежал рядом, сулил помочь в трудном деле. Да и как отобьешься? Ведь даром что боярский отпрыск Доман, а приходился Ставру молочным братом. Щедро вскормила некогда своим материнским молоком Малуша обоих – сына ловчего и сына боярина.

Легкий шорох прервал поток дум. Ставр поднял руку. Быстро поправил узкий ремешок на лбу, не дававший прядям затмевать взор, припал ухом к земле. Доман подобрался, подгрел рогатину.

– Что? Что там? Не пора ли? – зашептал Доман.

Ставр кивнул на куст ракиты, который раскинулся совсем близко от берега, рядом с тропой.

Треснуло, зашелестело! В темную озерную воду рухнуло смятое деревцо, на тропу выбежал олень-рогач. Зверь дрожал, поводил головой, осененной ветвистыми рогами, косил глазом, налитым горячей кровью. Качала ветвями ракита. Олень опустил голову и подошел к воде. Успокаиваясь, тяжело дышал, с шумом втягивал воду. Пил жадно и долго, иногда вскидывал голову, глядел в сторону засады.

Ловчим достало времени, чтобы оказаться у тропы незамеченными лесным зверем. Ставр толкнул в бок боярского сына, указал на зверя. Доман вскинул лук и выпустил стрелу. Стальной наконечник вонзился в шкуру зверя. Олень рванулся в сторону, прямо на ракитовый куст, закачался, упал в заросли. Доман выхватил нож, побежал напролом к добыче, зацепился за узловатый еловый корень, упал на желтую хвою.

– Стой, стой, шальной, – закричал Ставр вслед Доману. С копьем наперевес ловчий метнулся к напарнику. Вдруг олень вскочил на ноги. Могучий зверь встряхнулся, подмял под себя куст. В его загривке торчала оперенная стрела. Ставр увидел, как лук Домана отлетел в сторону. Рогач подцепил оружие за тетиву ветвистыми рогами, отшвырнул прочь, будто сухую ветку, невзначай попавшую под копыто.

Развернув грудь и согнув шею, олень выставил рога. Он был готов сорваться с места в атаку. Доман отползал за кучу валежника, цепляясь сафьяновым сапожком за корни. Охотничий нож никак не удавалось вырвать из узких, отделанных серебром ножен.

– Ставр! – жалобно вскрикнул Доман.

Рогач рванулся вперед. Яркий блик вспыхнул на острие боевого копья Ставра. Зверь испугался, рванулся прочь с тропы, легко перепрыгнул через Домана, исчез в ельнике.

– Держи! – Ставр успел поднять лук Домана и перекинуть его боярскому сыну. Вдвоем они пустились в погоню.

В ельнике было сумрачно и сыро. Вековые великаны-ели простерли над ловчими хвойные шатры. Осыпаемые сухими ломкими ветками, хвоей Доман и Ставр мчались вперед. На рыжей прошлогодней хвое атели пятна. Олень истекал кровью. Охотничий азарт захватил парней. Жажда добычи гнала их по лесу.

– Быстрее, быстрее, – кричал на бегу Ставр, – поспешай, боярин, а то не нагоним!

Доман старался не отставать от напарника, но это было совсем непросто. Ставр легко и стремительно перепрыгивал через рытвины и поваленные стволы, обходил пни, умело лавировал между деревьями. Пышные папоротники иногда скрывали от Домана охотника. Но Ставр

не терял из виду боярича, успевая находить новые и новые следы спасавшего свою жизнь зверя. Ставр скалил зубы и взмахивал копьём, увлекая за собой Домана. Казалось, он не бежал – летел над мхами и кочками.

Светлое пятно мелькало впереди – там, где хрустели сучья. Олень уходил к болотистой низине, за которой начинались пригорки, поросшие чахлым березняком и осинами. Ельник заканчивался. Ставр почувствовал, как ноги наливались тяжелым металлом, а тело становилось все непослушнее. Глаза заливал липкий пот, сочившийся из-под кожаной полоски на лбу.

Ставр остановился. Надо бы отдышаться, перехватить воздуха. Казалось, тело больше не в силах двигаться среди чащи. Что-то приковывало его к месту. Он чувствовал на себе чей-то взгляд. Кто-то стоит и дышит за спиной. Обернуться? Вот сейчас – быстро и резко. Или сделать вид, что не заметил преследователя?

Он не признался бы себе в мимолетной слабости, но спокойствие на миг покинуло его. Ставр не знал, что предпринять. А тот, кто мог находиться позади, сейчас, наверное, рассматривал его с головы до ног. Оценивал его мышцы, силу. И думал о том, насколько легкой окажется победа. Если атаковать немедленно, напористо, со всей яростью, на которую может быть способен тот, кто не привык ничего прощать. Особенно тем, кто слабее.

Лес сомкнулся вокруг Ставра. Сосны и ели высились, как витязи, готовые пустить в ход тяжелые секиры, засапожные ножи. Лесные исполины молчали. Ветви мертвы на безветрии. Тягостное молчание и духота, источающая свирепый жар.

Нет, пусть будет, что будет. Медленно, очень медленно Ставр повернул голову. Он удивился: позади никого не было. За его спиной вздымались все те же исполинские ели, заслонившись от солнца колючими ветвями.

Никого? Совсем? Но кто же глядит из чащи? Чей взгляд он чувствует так остро? Кто ты – зверь или человек? Или... оборотень?

Неожиданно Ставр вздрогнул. Мысль встряхнула его, как мельник встряхивает мешок с отрубями. Неведомая сила поднялась из нутра и швырнула вперед. Он бросился прямо на стену ельника. И темная хвоя раздвинулась, впуская юного ловчего под свою сень.

Ставр вновь бежал и бежал, не разбирая пути. Ноги путались в корневищах, в валежнике. Но движение не прекращалось. Потому что страх подгонял Ставра.

Внезапно под ногами оказалась пустота. Ставр неловко повернулся, нога скользнула по влажному блестящему мху, и парень кубарем полетел на кучу валежника, набившегося в лесную рытвину. Выбраться из ямы оказалось непросто, стенки осыпались. Опираясь на копьё, Доман выкарабкался на край.

– Доман!

Боярский сын не услышал молочного брата. Где-то в стороне колыхалась еловая хвоя. Ставр бросился туда, и едва не угодил под удар зверя. Олень стремительно развернулся, зацепил охотника рогами. Рогач мог нанести и второй удар, но Ставр вовремя отскочил в сторону, метнул копьё, нацеливаясь в сердце оленя.

Ставр постарался вложить в решительный бросок все отчаяние, которое охватило его в эти мгновения. Он понимал, что в поединке останется только один победитель. Призом ему будут сияющее солнце, чистая небесная лазурь, вольный ветер и широкий простор лесов и лугов в наполненном благодатью Ярилы мире, а не в том, который простирается в подземных недрах под дланью Чернобога и его темных слуг. Ставр сражался. И победил.

Олень рухнул, содрогаясь в предсмертных конвульсиях. Алая кровь брызнула на мох и хвою. Ставр вскинул ясеневое копьё, спеша добить оленя.

Желтая молния метнулась из ельника. Пятнистая шкура, острые уши, грозные когти, злые тусклые глаза, как угли – все, что увидел, падая в мох, Ставр. Лесной зверь тоже выслеживал оленя, решил не выпускать добычу. Движения могучего хищника были грациозны и стремительны. Зверь ухватил тушу острыми клыками и метнулся в заросли. Густой папоротник

закачался – пропал огненный клубок. Что за зверь был? Вроде бы с рысью схож. Да уж больно велик. Сказывали, мол, водятся где-то лихие барсы, львы. Но в лесах вокруг Полоцка про них никогда охотники не сказывали.

Ошеломленный падением, Ставр ощупывал грудь, плечо, ногу. Цел? Где рана? Но зверь не поранил его – слава, богам-заступникам!

Из зарослей вынырнул Доман. Увидел кровь на земле. Легко перепрыгнул через рытвину, подхватил ясеневое копьё.

– Что... Кто это был, Ставр? – сын ловчего с трудом мог сказать хоть что-то. Оцепенев, юноша стискивал рукоятку охотничьего ножа, глядя на боярича широко распахнутыми очами.

– Что ты видел? – прохрипел Доман. Ярость борьбы, будущей схватки не отпускала его. Он готов был продолжать погоню и должен был знать, кто заставил их потерять такую желанную и близкую добычу.

– Кажись, то была рысь. Большая, очень большая. Она шла по нашему следу.

Доман внимательно огляделся. На хвое и мхах алели свежие капли. У ельника в землю врезался четкий след.

– Матерая кошка, хороша... – оскалился Ставр. Он приблизился к Доману и прошептал, озираясь кругом. – А теперь держись, боярич. Поблажки не будет. Это тебе не с дворовыми наперегонки бегать. Зверь настоящий, за оплошность плата известна – смерть.

Доман молча кивнул. Ноги его подкашивались. Боярич, подумал Ставр, заметно утратил охотничий пыл. Он вновь тревожно озирался. Губы тряслись. Видать, Доман с большим облегчением привалился бы сейчас у прохладного ручья к корням какого-нибудь дерева. Он уже не хотел добычи, не хотел отцовской похвалы и уважения всех, кто встретил бы его на боярском подворье при возвращении с добычей после охоты.

Ставр толкнул боярского сына тупым концом копьё. Доман нехотя поплелся за молочным братом. Они долго продирались сквозь лесные дебри. Ставр всматривался в переплетения корневищ, выискивая алые капли на листья и на мхах, отпечатки когтей рыси-великана в топком торфяном месиве, в которое очень скоро превратилась почва. Огромная рысь уводила их в глухомань, вот-вот должны были начинаться опасные места, каждый шаг по которым грозил гибелью. Под покровом мягких лишайников и мхов могли таиться оконца, наполненные жидкой грязью. Из таких ям не было исхода. Топь всасывала жертвы в считанные мгновения, испуская зловонные облака.

Не ведая устали, Ставр умело обходил опасные ловушки, которые расставили на пути охотников лешие. Они все дальше и дальше углублялись в чащу.

– Ставр, стой, я больше не могу, – взмолился Доман. – Давай повернем назад. Невмоготу, измаялся, леший с ним, со зверем...

– Эх, боярич, и не стыдно? Девки засмеют, коль прознают...

Доман задумался. Он готов был упасть в этот момент навзничь, теряя сознание от пережитых волнений и труда, но представился отец – грозный, суровый. С боярином Радомером не поспорить. Рука у него тяжелая. И в гневе страшен боярин. Не только слугам своим и смердам с холопами, но и сыну родному.

Доман вспомнил, как однажды Радомер приказал отправить в изгнание женщину, которая молила не отправлять ее в дальний погост на вечное прозябание, помиловать за невеликий грех. Доману было тогда совсем немного лет, он только научился держать деревянный меч и натягивать тетиву небольшого лука слабыми детскими ручонками. Радомер не снизошел до просьб той, которая валялась у ног безжалостного боярина. На рассвете обоз покинул боярское подворье на замковой горе Полоцка. Туманным сентябрьским утром, когда с Двины ветер нес ненастье, малолетний Доман, стоя у ворот града, испугался, что в последний раз видит мать Бориславу. Он мог потерять ее навеки. К счастью, Радомер был отходчив. Боярин вернул опальную жену в терем. Но с того случая Доман старался не испытывать гнев сурового отца.

– Нет, не надо, пойдём, брате Ставр, – сказал, с трудом переводя дух, боярский сын. Они прошли вдоль края ельника, выбираясь к месту, где еловая чаща сменялась осинником. Солнце клонилось к закату, обливая дрожащие деревца красноватым светом.

И тогда Доман вскрикнул.

– Ставр! Ты видел это?

Качаясь, опираясь на гибкое древко копья, Ставр приблизился к бояричу. Доман застыл у мелкого ручья, берег которого был истоптан зверьем.

– Видишь, видишь, вон там! – указывал боярич куда-то в сторону, под нависавшие над ручьем орешины.

– Да что там, ничего не вижу... – сказал Ставр, напрасно таращась на комья черной влажной грязи, на обрывки мхов.

– Нет, но вот здесь... Я же видел... Рысьи следы, а потом... потом... человечьи. Будто кто прошел в сапогах.

Доман отбросил лук за спину, подбежал к ручью, наклонился, рассматривая землю. Он засуетился, бросался в одну сторону, потом в другую. Он осматривал кустарник, метался среди низких осин.

Казалось, боярский сын сошел с ума. Ставр следил за тем, как молочный брат кружил у найденных следов.

– Нет, но я же видел. Вот, как тебя, брате. Вот здесь! – приблизившись, Доман горячо и безумно шептал в лицо Ставру. – След, его след... Хазарский сапог. Мне показывал такие следы старик Онфим. На торжище хазары барышничают. Оборотень, это был он...

– Ты уверен? Это были следы оборотня?

– Да, да, но они пропали. Будто и не было. Но я видел их, видел, клянусь богами! – кричал Доман.

Ставр оцепенел. Похолодело в груди. Страх липкой паутиной опутывал душу. Встать перед зверем или злыднем для яростной схватки проще простого. Нападай или обороняйся, хитри, побеждай, проливай кровь. Но если столкнулся с духом бестелесным. Тут иное. Чернобог насылает слуг своих, бестелесных и жадных до горячей плоти.

Потрясенный Ставр не смог вымолвить ни слова. Он упал на колени, увлекая за собой Домана. Ставр обратился к угасающему светилу, протянув ввысь омытое звериной кровью копье. Он молил небо.

– Светлые боги, молим вас о пощаде. О, милостивая Лада! О, Ярило, не покидай нас! О, Световит, подай нам помощь, избавь от гнева Чернобога! Простите нас, светлые боги.

Лес молчал. Огненный диск все ниже и ниже опускался за верхушки мрачных вековых елей, мрак наполнил, прогоняя свет, в низинах клубились серые полосы тумана. Последний луч мелькнул среди осинника и погас. Ставр взывал к богам о милости и прощении, просил богов не оставить и помочь наказать того, кто погубил отца – старого охотника Бояна. Боярич Донат все громче и громче вторил молочному брату.

Ночевать пришлось в лесу. Ночь быстро опустилась над чащами. Выбрали место повыше да посуше. Ставр нарубил еловых лап мечом Домана. Сложили костер из валежника. Снопы искр взвивались и угасали в ночном небе, не долетая до звезд.

Ставр жарил на прутьях грибы, что удалось наскоро набрать по пути. Уходившее лето не поскупило на лесные дары. Доман разломил пополам лепешку, которую прихватил из дома.

– Эх, дичины бы, – мечтательно вздыхал боярич.

Ставр усмехнулся: любил боярский сын сладко пожить, вкусно попить. Какой из него боярин будет, поглядим...

Огонь жадно лизал нанизанные на прутья грибы, сок с шипением падал на раскаленные угли. Гул костра не смог утаить от Ставра легкий треск. Кто это? Доман ничего не успел сооб-

разить, а Ставр уже подвинул к себе копьё, приготовился вскочить навстречу неведомой опасности.

Отблески пламени озарили еловую стену. Заколыхались ветви. Плотная тень легла на поляну.

– Онфим! – воскликнул Доман. Ставр опустил копьё. К костру шагнул из черной чащи старик с широкой окладистой бородой, в которой запутались хвоинки да сухие травинки. Был он могуч и кряжист, с натруженными громадными руками, больше похожими на две коряги. За плечами виднелся охотничий лук, за поясом топор, нож. Онфим вытащил из объемистой кожаной сумы, что висела на его боку, тушку зайца. Принялся разделявать зайца, ловко сдирая шкуру.

– Как ты нашёл нас, Онфимушка? – спросил Доман.

– По следам, дело нехитрое, – пробасил ловчий, – боярыня Борислава, матушка твоя, боярич, покой потеряла, как прознала, что на Воловье ты подался. Вот меня и отправила вдогонку.

Ставр усмехнулся, направляясь к ельнику за валежиной. Доман покосился в его сторону. Толкнул кулаком Онфима в плечо.

– Ты бы попридержал язык, старый хрыч.

Ловчий изумленно захлопал глазами на такие слова боярича.

– Да я... да мы что, боярич... Что сказал-то?

Доман только махнул рукой, поспешил подбросить ненасытному пламени дровишек.

У охотничьего костра ладилась неспешная беседа. Говорили о печальном, обсуждая исчезновение Бояна. Онфим вспоминал молодые годы. Знал он Бояна по разным делам. И по ратным, и по охотничьим. Сколь раз в облавах на лютого зверя хаживали, на кабанов, лосей. Брели вместе туров да медведей. В молодые годы, когда полоцкие князья покоряли ливов, довелось и в сече кровавой рубиться. Онфим хвалил Бояна. Сказывал, что лучшего товарища на охотах и в походах не желал. Боян честен был и справедлив.

Ставр слушал речи Онфима. Горечь наполняла душу. Тосковал по отцу. Неужто ушел навсегда? Ему трудно было поверить в то, что свершилось так зло и неожиданно.

– Говоришь, оборотня след приметил? – угостившись жареным зайцем с грибами, обратился к Доману старый Онфим.

– Да, вот, как тебя видел. Но пропал, будто и не было. Диво дивное! – сокрушался боярич.

Пахнуло пряно: кожей сыромятной, луком, дымом. Дядька Онфим придвинулся к боярскому отроку. Легонько толкнул в плечо плотной ладонью.

– Да ты, чай, от страха разомлел никак... Не дело для ловчего!

– Нет, нет, я ничего. Я так. Наваждение, морок попутал... Вот, говорят, тоже с русалками у реки бывает. Видишь их только ты, а другие – нет!

– Что русалки, – усмехнулся старик, – Девки они и есть девки. Гульба на уме. Ты свое знай – блюда веру в светлых богов да себя не забывай. А то будет как с тем хазарином.

– Это с каким еще хазарином? С тем, про которого на торжище бают? – спросил Онфима Ставр.

– Про него, – вздохнул старик.

– А ты что знаешь про оборотня, Онфим? – Доман пристроился у огня. Он любил слушать переходящих гусельников, былинщиков. Повесть о хазарском оборотне Доману была доподлинно известна, но он не хотел лишать себя удовольствия послушать сказ в очередной раз. Онфим знал об этом и не заставил себя упрашивать. Ловчему было лестно угодить бояричу. Авось зачтется как-нибудь. В жизни не угадать, где солому стелить.

– Был в Полоцке купец, – начал сказ Онфим, – Из далекой южной земли занесло его к нам. С товаром красным прибыл, на крепкой ладье. Торговал на спуске у Верхнего замчища.

Княгиня Предслава тогда совсем еще дева была, на выданье. Весь про нее сказ. И про красавца того, про хазарина.

– Так что с ним стало, не тяни, старик. Сказывай, – прошипел Доман.

– Да я только от других слыхивал. Да, торговал хазарин. И не столько товаром своим – тканями заморскими да вином греческим, сколько красотой своей писаной. А он и вправду был пригож. Статен. Любая бы за такого удавилась. Вот и Предслава, княгиня наша теперешняя, прельстилась на посулы хазарина. Решилась бежать с ним на корабле. По Двине сначала. А там к варягам, что в студеное море на скалах живут да морского зверя промышляют.

– Худо ли житье у варягов? – спросил Ставр.

– А про то, милоч, ты у Агмунда спроси. Зачастил он на подворье Радомера. Агмунд тебе, Ставрушка, про варягов всю правду и откроет. А от себя скажу, что злые они люди, варяги. Потому как и земля у них злая. Но сказывать ли про хазарина?

– Сказывай, коли начал... – буркнул боярич.

Доман и Ставр слушали рассказ старого ловчего. В ночной тьме далеко кричала одинокая птица. Дурманил аромат сырой хвои. Горький дым ел глаза. Видения представляли перед взором. Сон ли, явь ли – не разобрать. Да только видел Ставр, как живых видел, и хазарина, и совсем молодую княгиню Предславу. Вот всходят они, рука об руку, по брошенным сходням на борт высокой ладьи. Поднимается алый парус, взмахивают гребцы веслами. И рулевой хрипло выкрикивает команды наперекор ветру, рвущему корабельные снасти. А родной берег уходит далеко-далеко. И Предслава стоит у борта корабля, бросая последний взгляд на замковую гору, на Полоту, сливающуюся у холма с могучей Двиной.

Но вот ревут за городским частоколом боевые трубы. Червлёный плащ мелькает над валом. Бегут к пристани княжьи слуги. А в погоню бросаются челны, полные лучников. Свистят стрелы над кораблем хазарина. Бугрятся мышцы на спинах хазарских рабов. Нет, кораблю не уйти по вверх Двине. Трудно грести под тучей стрел. То один, то другой раб падает, сраженный насмерть. Миг – и хазарское судно остановлено, окружено стаяй челнов. Воины полоцкого князя карабкаются на борт ладьи. Рубят канаты. Взметаются арканы, вяжут дружинники купца хазарина, вызволяют Предславу.

Полоцкий князь скор на расправу. Хазарина бросают в башню, что высится над въездными воротами у Полоты. Волей князя предначертано Предславе жить в тереме, в отдалении от домашних. В позоре и смятении.

Оборвался внезапно рассказ Онфима, затихла стариковская речь.

– Да ты часом не заснул, боярич? – Онфим толкнул кулаком отрока в бок. Доман протер глаза, затряс вихрастой головой.

– Нет, нет, дядька Онфим. Да что там дальше-то было? Что Предслава? Тосковала по своему хазарину?

– Вестимо. Да что девичья тоска? Туман на рассвете. Мгла сошла и ладно. Дело то летом было. А к весне следующего года разродилась дитем Предслава. Точно в срок положенный, как и угоновили ей светлые боги. Мальчонку она родила. Да не стерпела позора княжна. Стыд сжег сердце. Поклонилась отцу-князю, молила убить сына.

– Где ж такое видано?

– Эх, боярич, на княжьей да боярской службе многое не так, как у простых людей. Что тут скажешь... Князь сделал все так, как просила его родная дочь. Младенца утопили в болоте, тут неподалеку, на старой гати, что шла от Воловьего озера.

– А хазарин? За него выкуп дали? Али как? – спросил Ставр.

– Если бы. Хазарина князь повелел отвести на гать и порешить.

– Неужто порешили?

– А как же? Мечом ударили, потом в костер и бросили. Я и ударил. У меня рука тогда крепкая была, не чета теперешней. Взметнулся хазарин к богам вместе с пламенем. Только,

сказывали, не все так гладко закончилось. Душа хазарина воспротивилась Сварогу, не приняли ее боги. Грех, знать, велик был. Так и металась она по болотам, пока не вселилась в зверя лесного. С тех пор и мерещится людям у Воловьего озера хазарский оборотень. И изловить его нельзя. Семаргл его охраняет...

Незадолго до рассвета костер догорел. Онфим разбудил парней. Охотники направились прочь из чащи. Когда встало солнце, они были уже недалеко от городских ворот. Уже скрипели цепи подъемного моста, стража отворяла высокие дубовые створы. Над валами, частоколами и башнями града Полоцка занимался новый день 973-го года.

Весть для Радомера

Почитали и боялись полочане Радомера. По знатности и силе, учил некогда Ставра отец, мог Радомер потягаться с князьями. Дом знатного мужа возвышался на высоком берегу Полоты, словно второй детинец. Его видели в Полоцке отовсюду. Из узких окон-бойниц верхних комнат главного терема боярин обозревал дворы горожан, вымощенные дубовыми плахами улочки, ведущие к построенной недавно торговой площади, слободу в Заполотье, въездные ворота да крепкие городские стены с валами да башнями.

Никому не было ведомо, что творится на подворье боярина. Высокая бревенчатая загородь окружала его терема, брёвна с заостренными концами зодчие вбили в вал тесно, без единой щели. Ворота никаким тараном не снести. Да сверху ещё и башенка пристроена, с которой двум лучникам ладно держать оборону: луг перед подворьем открыт, словно на ладони, никуда врагу не спрятаться и незаметно не подобраться.

Волен был боярин жаловать и казнить любого, кто попадал в его кабалу. Всяк по-разному становился обязанным сильному. Кого приводили на аркане из набегов, кто прямо из корчмы попадал, проигравшись в зернь, опившись брагой. Кого не миловала стихия, разоряя хозяйство.

Прошлым летом и Боян привел к боярскому престолу сына Ставра. Лесной пожар поднялся с ветром, пожрал в одночасье вместе с дубравой и подворье Бояна. Дотоле промышлял Боян бортничеством, ловлей зверья, добывал мед, воск, меха и мясо. Но огонь уничтожил уголья. Борти испепелил, пчелиные семьи. Был человек зажиточен и независим, вольным был, а стал без кола и двора, гольем перекатным. Семья без пропитания. Всего достояния – рубаха, чтоб срам прикрыть.

Просил Боян у Радомера крова и жита. Не за себя просил, за Малушу и детей. Боярин отказал, приказав гридням гнать просителя прочь плетями. Но заступилась боярыня Борислава. Помнила, что Малуша выкормила её сынка меньшого Домана. Не дала в обиду несчастную семью кормилицы.

Так стал Ставр рабом боярским. Взяли его в кабалу на пять лет. До выкупа. Но на деле бессрочно. Надежды на то, что станет на ноги Боян, что поправит порушенное огнем хозяйство, не было. Назначил боярин Бояна ловчим. Много ль с охоты прибытка? А в поход с удалцами не пойдешь. Раны старые не пускают.

На родного батюшку Ставр не таил обиды. Священна отцова воля. Рабом так рабом, раз иного выхода нет. Не помирать же в предзимье от стужи и голода матери с сестрой. Но уж больно горька рабская доля. Радомер не давал спуску своим смердам, кабальникам.

Нет, самолично боярин никого не порол и не бил. Он приказывал ровным и тихим голосом, но холодно и пусто глядели оловянные глаза. Без брани и крика мог Радомер отправить холопа в дальние имения. Ключник Валент, темнолицый пронцательный грек, умевший читать тайные мысли хозяина, старался: бедолаге, попавшему в боярскую немилость, экономя устраивал не жизнь, но казнь. Порой именно Валент отправлял опального смерда в такое гиблое место, что и костей не сыскать.

Ловкий грек присматривался поначалу к Ставру. Он знал, что парень был молочным братом господского сынка. Но со временем Валент понял, что до раба Ставра нет боярину никакого дела. Наоборот, одобрял Радомер своего ключаря, когда тот назначал Ставру нелегкую работу – в хлеву, на конюшне, на гумне. А то и валить лес отправлял, на разгрузку кораблей (Радомер бойко торговал с новгородскими гостями и с ливами по Двине).

Прошлое житье Ставр вспоминал, набирая солому на гумне. На вчерашнюю охоту с боярским сыном отлучился Ставр самочинно, полагаясь на то, что Доман как-нибудь оправдает его перед ключарем. А тот не назначит тяжкого урока. Но Ставр просчитался. Для Валента слово

молодого боярича ничего не значило. Радомер не одобрял дружбу сына со смердом. Потому грек с легкой душой назначил Ставра на чистку двора, служб и заготовку дров.

– Ставр, Ставр, мерзавец, где ты? – кричал, стоя посреди широкого боярского двора экономом Валент.

– Бегу, бегу, мой господин, – не жалея босых ног, Ставр стремглав мчался с гумна, ронял душистую, нового урожая солому.

Валент потрясал кулаком, засучив рукава широкой шелковой мантии. Грек любил щегольнуть. А тут и повод выдался самый подходящий – на подворье Радомера ждали варяга Агмунда. Ставр слышал, что он привез из южных далеких краев, из самой глубины земли, подвластной царю болгар, важные вести.

Все дворовые знали, если на пиру будет что-то не так, грозный боярин турусы разводить не станет, тихо прикажет конюхам шкуру спустить с виновного и весь разговор, но первый кнут будет ему – Валенту. Дворовые не любили грека. Кормил он дворню плохо, зато сам тучнел год от года.

Хоть и не одобрял варварства, языческих обычаев, набожный христианин Валент, но на сей раз устраивал он прием по-старинке. Радомер предупредил грека: не стоит огорчать варяга. Следовало сделать все, как было принято у северных пришельцев. И не жалеть ни браги, ни пива, ни дорогих заморских припасов.

Потому с утра наполняли слуги жбаны. Вместо свечей ярого пчелиного воска в боярских палатах для освещения вставляли по обычаю варягов смоляные факелы. По двору, окружённого кладовыми и каморами, клетями с амбарами сновали слуги. Волокли корзины и кадушки в боярский терем, боясь оступиться на высоком крыльце. Выкатывали бочонки с медовой брагой. Не было только греческого вина. Радомер знал, что Агмунд пренебрегал чрезмерной роскошью. В большом зале челядинцы рассыпали вороха соломы, расставляли на покрытых парчой столах серебряные кубки, кувшины.

С утра Ставр поел только просяной каши. Разбрасывая в горнице солому, глянул на большой стол, да не смог оторвать глаз. Манили блюда с медвежьим окороком, с олениной, с зайчатиной. От сытного духа недужилось. Дичь была приправлена мочёной клюквой, морошкой, хреном и еловыми ветками. Столько битой дичи Ставр не видел никогда, как и кованных чаш, которые слуги все несли и несли к боярскому столу.

А Валент покрикивал, подгонял слуг. С кухни присылали пироги с визигой, ветчину, жареных карпов, тетеревов, щучью икру с брусникой, перепелов с пирожками, телячий холодец и гречневые блины. На огне доходила уха, а повар уже начал разделявать дикого кабана, жаренного на вертеле целиком. Глядя на обильный стол, Ставр не заметил, как подошёл Валент.

Хлесткая затрепина досталась Ставру от эконома. Несмотря на тучность, Валент неожиданно появлялся то в тереме, то на дворе. Казалось, ему не мешал громадный живот, нависавший над широким сафьяновым поясом. Валент старался, наводил порядок, отрабатывая боярскую ласку и доверие. Ни одна оплошность, ни один проступок не ускользал от приметливого взгляда эконома.

Грек приказал Ставру быть в услужении возле очага, следить за огнём, подносить дрова. Вертел с диким кабаном поворачивал подручный боярского повара. Запах жареной убоины простирался до ворот боярской усадьбы, будоражил псов у загороди. Они заливались отчаянным лаем.

Ключник Валент не забыл также затопить баню для гостей. На всякий случай. Варяг Агмунд и люди были охочи до усад тел. Такие гости будут пировать день и ночь, да ещё день и ночь. И бывало, это хорошо знал Валент, добром их со двора выпроводить не удавалось.

Спускаясь по черной лестнице к дровянику, Ставр видел, как неспешно и важно вышел из терема боярин Радомер. Он стоял на крыльце, прижимая к груди и ласково поглаживая маленького лисёнка. Боярин угождал малой живности, жалел её, подбирая на охоте. Ставр

слышал от дворовых, что их владыке явно ведом звериный язык, иначе, отчего бы лесным зверям так к нему лнуть.

У очага повар Ждан прикрикнул на Ставра, чтобы тот помог ему снять с огня вертел с кабаном. Тут же появился и Валент со своим подручным Дробном – молодым белёсым парнем с простоватым лицом. Дробн часто моргал. Его глуповатые, навывкате, глаза выражали преданность и хитрость, качества, столь необходимые для того, чтобы быть подручным у ключника. Валент принюхался к жареному кабану и велел повару отрезать ему кусок на пробу.

– Несите кабана в большой зал, – приказал Валент Ставру и Дробну, жадно поедая мясо за небольшим столом. Он с наслаждением облизывал жир и мясной сок с унизанных кольцами пальцев.

Ставр и Дробн взяли вертел, понесли в зал. Чавкая, толстый ворчал вдогонку:

– Живее! Поспешайте! За вами, чужады, глаз нужен. Воры брыдливые, сучьи дети.

Жита не дай, а ругаться и оскорблять дворовых людей чревоугодник любил. Те давно привыкли к его брани. Но Ставр вырос вольным человеком и к зазорным словам был неприучен. Он резко остановился и, стиснув кулаки, глянул на Валента.

– Чего чужадами ругаешь?! – крикнул Ставр. – Я своё зарабатываю честно и отродясь не воровал!

Валент не ожидал от Ставра таких слов, кусок мяса застрял у него в глотке. Дробн от страха зажмурился. Но Ставр потянул вертел, и они двинулись дальше. Белый от гнева, грек вскочил и бросился за Ставром и Дробном, не забыв палки, с которой никогда и нигде не расставался. Не миновать бы Ставру побоев, но нечаянно Валент нарвался на самого Радомера. Боярин легко и властно оттолкнул с пути грека, взмахнул дланью. Мол, сгинь с глаз, не до тебя.

А во дворе уже ржали сытые кони, раздавался цокот копыт. На подворье тянулась кавалькада. Впереди варягов ехал на коне Светозар – седой жрец, почитаемый полочанами. Гридни боярские немедля бросились поддержать стремя у серого в яблоках жеребца, на котором восседал жрец. Приняли они и вороного у высокого и красивого всадника с черной, как смоль бородой.

– Варяг Агмунд! – вскрикнул Дробн, едва не уронив наземь вертел с кабаньей тушей.

Ставр и подручный Валента, окаменев, жадно следили за теми, кто посетил двор боярина. Агмунд, бросив поводья конюхам, неспешно поднимался следом за Светозаром по высокой дубовой лестнице. Радомер склонял голову перед гостями. А рядом с Агмундом, поддерживая край шерстяного алого платья, украшенного золотой каймой, шагала стройная и гибкая девица. На ее плечо была небрежно наброшена шкура барса. Она улыбалась двум подругам, которые неотступно следовали за ней. Девушки прибыли под охраной могучих воинов, не пожелавших расстаться с оружием и кольчугами. Все они были светловолосы, улыбки и веселы. И Ярила не оставлял их благостью, обливая варягов золотыми лучами.

– Кто она? Та, что в барсовой шкуре, – тихо спросил Дробн Ставра.

– Её зовут Элин. Сестра Агмунда, – ответил Дробн.

Угощались гости степенно и чинно. Без шутов и музыкантов, которых Радомер велел выгнать со двора. По правую руку от боярина Радомера сидел Светозар, по левую – варяг Агмунд, а рядом с ним сестра его Элин. Пили варяги, прибывшие с Агмундом, изрядно. Слуги прикатали в зал уже третью бочку мёда. Только Агмунд не прикасался к кубку, задумчиво глядел на резные узоры, что украшали плахи потолка парадной горницы.

Ставр, ютившийся вместе со служителями в каморке рядом с горницей, подумал, что варяг озабочен чем-то очень важным. Раз так задумчив и невесел при застолье. Агмунд вежливо отвечал на вопросы радушного и хлебосольного хозяина. Радомер, согласно обычаю, не торопил гостя, расспрашивая его о том, что видано было в дальних краях.

Проведя несколько лет в походе вместе с дружинами Святослава, варяги хорошо понимали речь полочан, неплохо изъяснялись. За столом с северянами пировали и пятеро мечников

Радомера, из тех, что умели пить и слушать. Боярин доверял варягу, но не совсем. Полностью он не доверял никому.

– Правду ли сказывают, что есть такие земли, где люди свинину не едят? – спросил Радомер Агмунда, отрезая кусок мяса дикого кабана.

– Не врут, есть такие города. Да это что, довелось мне у ромеев повидать чёрных людей, – казал варяг.

– Те твари – порождение Чернобога, которому ромеи служат, – сказал Светозар. – Чернобог – враг Перуну. Стало быть, и нам враг, как и ромеи.

Агмунд заметил на груди у жреца знак, похожий на оружие Вседержителя, того, кто правил богами Севера. Подобные украшения варяг видел только у себя на родине. Он внимательно разглядел амулет – несомненно, то был железный молот Тора.

– У ромеев один бог на всех, греческий, – сказал Агмунд. – Он всем властвует и через жрецов своих учит смердов князей да бояр почитать и добро делать.

– Он и есть Чернобог! – строго сказал жрец Светозар. – Доброго князя слабым сочтут, в том и есть хитрость ромейская.

Ставр топтался у входа в большой зал вместе с другими дворовыми людьми. Челядь жадно внимала каждому слову, сказанному за столом господ. Ключник Валент служил неподалёку от боярского стола, смотрел, нет ли в чём недостачи, а когда замечал, тихо давал указания слугам. Один варяг неосторожно смахнул со стола кованый кувшин и тот откатился к ногам Элин.

Валент послал Ставра убрать его. Ставр подбежал к столу, а когда наклонился за кувшином, Элин, забавляясь, отбросила посудину ногой в сторону и рассмеялась.

– Нерасторопный какой холоп, – презрительно улыбалась Элин. – Такой и курицу не поймает.

Варяги, а за ними и все прочие гости разразились дружным хохотом. Ставр пытался подхватить скользкий кувшин – не получалось. Роняя посуду, Ставр упал, путаясь в соломе, вскочил, весь осыпанный соломенной трухой, как пугало. Немало позабавил господ.

До слез хохотали варяги и боярские мечники. Только Агмунд и жрец Светозар сурово молчали, глядя перед собой. Пристыженный Ставр выбежал из зала, едва не столкнувшись с другими слугами.

Когда один варяг вышел из терема во двор, за ним последовал мечник, кликнувший дворовых. Ставр проводил пьяного варяга к отхожему месту, а мечник так и остался стоять на высоком крыльце, приглядывал, как было ему велено Радомером. Ставр подвёл варяга к терему. Из дома вышел Валент, позвал одного из сторожей. Ему и Ставру ключарь велел развести во дворе костёр, чтоб гости в надвигавшихся сумерках не переломали себе ног спяну.

У костра было тепло, Ставр разомлел, задремал. Но сон не пришел. Из окна доносились занятные речи. Говорили Радомер и Агмунд. Варяг рассказывал о своём походе, многие слова Ставру были непонятны, но слушал он с большим интересом.

– Воинов в дружинах князя Святослава было не меньше, чем у ромеев, – говорил викинг. – И крепость Доростол, ромеи её называли Дуросторум, оказалась в наших руках. Да только кораблей у врагов было не меньше сотни, а на многих стояли специальные машины. Они «греческим огнём» стреляют почти на полёт стрелы. Огонь тот – неугасимый, в воде горит...

– Как же это, огонь да в воде горит? Где ж то видано! – не поверил боярин.

– Я и сам изумлялся. Но ромеи пускают пламя с корабля, горит кругом все страшно. Человека пожрет пламя в один миг, глазом не моргнуть, – вспоминал варяг.

– Разве люди такое могут сотворить? – обратился Светозар к Агмунду, – Чернобог им помогает за жертвы человеческие, не иначе.

Ставр слушал и не мог представить себе дивный «греческий огонь». В горшках его разводят или похож на пламя небесное, что Перун насылает на землю? От него, бывало, и люди сго-

рали, и деревни. Да только не может человек им управлять. Видать, бог греческий им и вправду подсобляет. Верно, и вправду не обошлось без мстительного Чернобога, как жрец твердит.

Когда Агмунд стал рассказывать про битву у крепости Доростол, голос его зазвучал особенно печально.

– Спасли ратники ладьи, что на реке Дунай стояли, на руках перенесли к стенам, под защиту лучников. Ромеи наши корабли не пожгли. А на следующий день сразились мы с ними на поле и к воротам не пустили. Тысячи ромеев там осталось лежать, но и наших немало. На том поле, прости за скорбную весть, боярин, и сын твой старший погиб.

– Давыд? И эту весть ты решил мне принести сегодня, варяг? Почему сразу не сказал?

Гости, бражничавшие за боярским столом, притихли.

– По нашему обычаю, – сказал Агмунд, – о душе павшего в сражении воина следует позаботиться за обильным пиром, чтобы боги видели: оставшиеся на земле вознесут хвалу его подвигам за чашей пенного пива. Разве у вас нет такого обычая?

– Так поступали и наши предки, – пророкотал голос Светозара.

Жрец глянул на боярина – взгляд был строг и холоден.

– Разве не так, Радомер? Или ты теперь полагаешь иначе?

Радомер ответил не сразу. Он раздумывал о чем-то, шевелил сухими губами. Вскинув голову, на которой блестел в свете смоляных факелов золотой венец, боярин молвил.

– Нет, я согласен с тобой, жрец.

И тут же добавил, обращаясь к Агмунду.

– Ты мудро поступил, варяг. Обильной трапезой и славными речами почтим мы смерть моего сына.

Радомер плеснул себе вина в кубок и поднял его твердой, привычной к мечу рукой.

– Пейте, славные воины. Пусть в небесных чертогах возликует у трона Перуна мой сын Давыд!

Дружным звоном серебряных кубков ответили воины на боярское слово. Но вскоре за столом вновь воцарилось молчание. Радомер смотрел на говорившего с ним Агмунда, но не видел перед собой варяга. Ставр привалился к стене, увидел через окно, как боярин отхлебнул из серебряного кубка. Радомер вновь обратился к варягу.

– Как погиб мой старший сын? Сказывай.

– Давыд был настоящим воином. Мы обучили его управляться с боевым топором викингов – бродаксом. Страшное оружие в сильных руках. С ним Давыд и отправился в Вальхаллу. В бою он оказался недалеко от «бессмертных» – стражей византийского императора. Он видел среди них всадника в золотых доспехах. То был император Цимисхий. Давыд с телохранителями бросился на ромеев, норовил пробиться к самому Цимисхию. А вокруг того встали тысячи две всадников, не меньше. Копьём Давыда конный грек сразил. Топтал конем. Тело отбили, но копыта измяли твоего старшего сына, боярин. Так, что и узнать славного воина было трудно.

В зале рассказ Агмунда слушали все. Элин сжимала нож. Боярин подал знак слуге, чтобы тот наполнил кубки. Дробн, прислуживавший за столом, приблизился к варягу, но тот перевернул свой кубок вверх дном.

– Довольно, больше ни капли, – сказал Агмунд. Его люди также отодвинули кубки.

– Кто ж победил в той битве? – глухо спросил Радомер. Его лицо стало каменным. Ни одна жилка не дрогнула, только голос выдавал переживания, которые бередили душу.

– Ромеев мы тогда победить не смогли. Но и битву не проиграли. Помню ещё, там княжеский воевода Сфенкель погиб. Дышать было нечем. Под ногами сухая земля превратилась в пыль. Тучи песка поднялись в воздух. Храбро у стен Доростола рубился князь Тур со своей дружиной. Видел я, как он ромейского воеводу с коня сбил и копьём пригвоздил к земле. Только ближе к вечеру князь Святослав отдал приказ отступить, и вся дружина вернулась в кре-

пость. Русы говорили: «закинули щиты на спину». У ромеев не было сил нас преследовать. Мы спокойно унесли павших. Потом стало ведомо в лагере, что в том бою погибло больше двух тысяч руссов.

– А у ромеев? – спросил Радомер.

– Говорили, не меньше десяти тысяч воинов, но это вряд ли. Вечером совершили мы тризну по братьям, погибшим с честью. Разожгли огромные костры и принесли жертвы Одину. Светлый бог услышал своих внуков. Я сам возложил на костёр тело Давыда.

– А что же тот самый «огонь греческий» захватить не пытались?

– Князь Святослав отправил меня с отрядом за помощью к воеводе Свенельду. Мы ночью на лодках прошли по мелководью, добрались до драккара, спрятанного в тихом месте. На нём и ушли на север. Путь был непростой, нас преследовали. Но печенеги не смогли остановить моих воинов. Нам удалось пробиться к Киеву, а потом и к Полоцку.

Ставр устал стоять у окна большого боярского зала, присел и быстро заснул. Проснулся он от лая сторожевых собак, которые озлились на пьяных варягов, вышедших во двор и затянувших свою дикую песню. Ставр схватил несколько поленьев и сунул в костёр. Пламя рвануло в черное небо, осыпав юношу снопом огненных искр.

На крыльце княжеского терема появились Валент и Дробн. Ключник призвал дворовых людей. Когда те собрались, Дробн стал бросать им из большой корзины остатки с княжеского стола.

Ставр смотрел на дворовых людей, на собак и на поющих викингов. Он вспоминал рассказ, услышанный в боярской горнице. Ему хотелось быть таким же, как эти ратники, побывать в тех местах, где они были. Только сомневался Ставр, сможет ли он стать воином, сможет ли убить человека, пусть и врага. Одно дело проливать кровь зверя на охоте. Другое – рубить или колоть людскую живую плоть, обиталище душ.

После песни варяги затеяли игру: начали метать свои топоры в столб, что стоял недалеко от забора. Почти никто из них не промахнулся. Сторожевые собаки притихли.

Радомер и Агмунд прогуливались у костра, за которым следил Ставр. Из-за шума, учиненного захмелевшими от столетних медов варягами, многое из разговора Ставр не услышал. Варяг продолжал свой рассказ.

– Пока искали Свенельда, голодали. Серебряную полугривну приходилось платить за мёрзлую конскую голову, вместо мяса варили в котлах ремни от щитов.

– Жаль, что твоя дружина ходила воевать против этих ромеев, – сказал Радомер. – После вашего ухода пришлось мне свой двор укрепить, да и не одному в Полоцке. Торговые люди терпят большие убытки. На дорогах лихие люди появились и не только там. Следят по берегам Двины, где какой купец пристанет, так ночью подкрадутся да порешат. Ко мне не лезут, знают, есть охрана. Видал моих мечников? Да, ныне в городе неспокойно – и старшина ворчит, и чёрный люд пробует норы показать. Двоих купцов убили недавно. Тати всё добро забрали. Городу крепкая рука нужна. Кто силён, тот и прав.

– Всякому княжеству нужен твёрдый правитель, а Полоцкое заслуживает его больше остальных, – тихо сказал Агмунд, приблизившись к Радомеру. – Княгиня Предслава больна, власть уже почти выпала из её рук, а сыновья её слабы для княжения, неразумны. Ты можешь стать князем Полоцким, Радомер.

Не первый год они так сживали за столом да распивали мёд и давно научились понимать друг друга без слов, хватало только взгляда. Радомер внимательно посмотрел на варяга.

– У княгини дружина. А у меня несколько десятков мечников, – глухо сказал Радомер.

– Будешь сомневаться, власть не возьмёшь. Есть мои викинги, а ещё гонец ожидается с важными вестями, – тихо ответил Агмунд. – К тебе гонец, боярин.

– От кого?

– От воеводы Свенельда. Он настоящий владыка. Мудрый, могущественный, сильный. Ему и подчиниться не зазорно. Свенельд думал о тебе, будущем князе Полоцка.

Речи сильных мужей показались Ставру уж слишком страшными. Агмунд и Радомер стояли в стороне от пылавшего костра. Они не видели юнца, притаившегося за кучей поленьев. Ставр медленно отполз в тень стены терема. Агмунд и боярин не могли теперь заметить его. Он нырнул в бурьян и пополз, стараясь как можно быстрее выбраться на задний двор. Там он был в безопасности.

Добравшись до низкого строения, сложенного из массивных дубовых колод, Ставр перевел дух. Озноб бил его, не попадал зуб на зуб. Он косился на проем в стене, за которым раздавались зычные голоса варягов, блестело пламя костра, и не мог прийти в себя.

Вдруг чья-то рука легла на его плечо. Ставр вздрогнул. Рядом стоял Дробн. Он оглядывался на поварню, у которой торчал высокий шест колодца. Дробн поставил перед Ставром небольшую корзинку, скинул холстинку. Ставр увидел добрый кусок медвежатины и пирожки с капустой.

– Давай Ставр, ешь. У боярина сегодня вкусная еда, – сказал Дробн, – чего смотришь?

– Со стола стянул или грек дал? – недоверчиво спросил Ставр.

– От него разве что костей дождёшься.

Дробн пластал ножом большие ломти мяса и воровато оглядывался по сторонам.

– Повар боярский расщедрился – Ждан. Стянешь тут. Нынче Валент особо приглядывает за челядью, взять с боярского стола – всё равно как украсть у самого боярина. Тут кнутом не отделаешься. Чтоб его Перун убил.

– Кого? Боярина? – спросил Ставр.

– Зачем боярина? – удивился Дробн. – Хапугу этого толстого, грека.

– Ну да, была бы забота Перуну, ключника прибить...

Они молча жевали мясо вприкуску с пирожками. Слегка насытившись, Дробн сказал самому себе:

– Подпалил немного Ждан медвежатинку. На стол боярский такое мясо не подал бы. Ты медведя живого в лесу видел, а, Ставр?

– Доводилось, и не раз. Я ж там вырос.

– Страшен?

– Медведь – хозяин леса, чаща – его вотчина. Одним ударом перебьет хребет туру, вырвет рёбра или снесет голову. Человеку с ним сладить тяжело, но можно. Отец мой – Боян-бортник, даже договариваться с ними умел. Только, знаешь, в лесу живут исчадия и пострашнее медведя.

– Мне в лесу боязно, – тихо сказал Дробн. – Давеча Онфим сказывал, на Воловьем озере нечисто. Там звери страшнее медведя бывают. Вот не знаю, правда ли? Нет?

– Правда. Лес там чудной...

– Тебе откуда знать?

– От отца. Он говорил, что создал Воловье озеро бог леса Святобор. Лес там растёт до самого неба. Однажды батюшка мой шёл мимо озера через чащу. Поднялся по тропе на поляну и видит: деревья вековые повалены, будто кто палицей снёс. Не человек.

– Так это Стрибог прогневался, да и переломал лес, слышал я про такое.

– Идет дальше, видит на холме, среди сваленных сосен, большой белый камень, а в нём чаша выдолблена. Ощупал батюшка его, глядь, на одной стороне вроде как лицо человека вырезано. Стал отец из чаши сор выметать, а тут из лесу не то звериный вой, не то человеческий вопль, не то дикий, страшный смех.

– Так он в тот лес с голыми руками пошёл? – удивился Дробн.

– Нож у него был. Да только руки онемели от того вопля. Потом в лесу всё снова стихло. Он прошёл ещё несколько шагов, пока...

– Что? Не томи!

– ... не нашёл среди бурелома голень человечью. Испугался, огляделся, чует отец: глядит на него кто-то. Ноги сами понесли его прочь. Говорил, мол, бегу и слышу, что кто-то гонится. Оборачивался отец много раз – никого.

– Да кто ж то был, Ставрुшка? Так и не узнал отец твой?

– Не узнал. Да вестимо – кто. Оборотень.

Дробн замахал в страхе руками.

– Чур, чур меня. Напугал, окаянный. На ночь глядя. Тьфу, чтоб пропал...

– Эй, пошевеливайтесь, ворота закройте, глядите мне! – раздался у поварни голос боярского эконома. Дробн подхватил корзину и поспешно убежал.

Ставр забился в заросли бурьяна, придвинулся к стене бани, прикорнул. На сытое брюхо дрема не заставила себя ждать.

После третьих петухов на подворье Радомера все спали. Викинги – в большом зале, сторожа у ворот, дворовые люди у амбаров и клетей. Ставр спал под стеной боярской бани. Снился ему вековой лес, сосны в котором стояли так тесно, будто пешие воины в шеренгах, сомкнув червленые щиты, выставив длинные сверкающие копья.

Летняя ночь была короткой. Тишину, воцарившуюся в граде, иногда разрывал собачий лай да пение петухов. Не спали только сторожа у костра на подворье Радомера, перед наглухо запертыми воротами.

В полдень на боярское подворье приехали Доман и Онфим. Из конюшни принять коня Домана вышел Ставр. Привязав коня к столбу, Онфим повел кормить свору ловчих псов.

– С чем приехал, Доман? – весело спросил Ставр. – Что такой хмурый?

– Неудачная охота. Гоняли зайцев по полям у Черной речки, без толку. Все из-за твоего оборотня, перебил мне удачу, – нехотя ответил Доман, оставаясь в седле. – А у нас кто, чьи это лошади?

– Варяжский воевода Агмунд с сестрой и своими людьми, да жрец Светозар.

– С сестрой. Видал её? Хороша ли?

– Больно спесивая.

– Ничего, с сыном боярина смирной будет, – твёрдо сказал Доман.

– Легко хвалиться, легко и свалиться, – весело проговорил Ставр. Он заметил, как из терема спускается по высокой лестнице Элин в сопровождении жреца Светозара. Сестра варяга пристально смотрела в сторону конюшни. Светозар что-то нашептывал ей. Доман тоже посмотрел туда, куда и Ставр, обернулся к Элин. Ветер ворошил мех барса на плече девы. Элин гордо продолжила путь, скривив тонкие губы. Светлая коса ее была красиво уложена, алое платье удивительно шло к её тонкому бледному лицу.

Доман нахмурился. Элин явно слышала, что сказал Ставр Доману. Что подумает о наследнике всего боярского добра эта гордая девица, коль услышит, что холоп ни в грош не ставит господина? Доман подбочился в седле, стиснул в кулаке поводья.

– Это кому свалиться? – грозно прорычал Доман. Боярский сын направил коня на молочного брата и нарочно задел его стременем. Но Ставр не дал себя в обиду.

Внезапно Ставр рванул стремя на себя. Конь взвился на дыбы. И сын боярина рухнул из седла в пыль. Он стремительно вскочил, отпустив поводья. Конь бросился в сторону, заржав. Элин остановилась в сотне шагов от спорщиков, не дойдя до варягов, державших ее коня под уздцы.

Доман увидел, как Ставр изготвился к обороне. Подскочив к холопу, он схватил Ставра за грудки и со всей силы швырнул его на длинный столб для коновязи. Через секунду они уже катались по соломе у конюшни. Доман напирал и пытался навалиться на Ставра, прижать его к земле и заставить молить о пощаде. Но сын бортника не уступал. Он увертывался, вскакивал, оказывался на ногах, то и дело ставил подножку разгорячённому Доману. Парни уже

набили друг другу немало шишек. А Ставр пустил кровавую юшку своему противнику, когда к конюшне, не спеша, подошли Радомер и Агмунд.

– Как молодые волчата, а? – кивнул Агмунд Радомеру.

Боярин нахмурился. Его младший сын вот-вот уступит какому-то безродному смерду, который ради куска хлеба горбатится на его дворе. Дать так унижить себя – да еще на глазах у варягов. Нет, этого допустить нельзя.

– Что медлишь, боярин, – кивнул на боярского сына жрец. – Твое отродье аль нет?

Зло глянув на Светозара, Радомер решительно шагнул к парням. Ставр одолевал Домана. И тому приходилось несладко. Он изнемогал, теряя все больше и больше сил. Но молить о пощаде Доман не собирался.

Ставр занес кулак, чтобы заставить противника признать себя победителем. Его руку остановил боярин Радомер. Мощным рывком он поднял Ставра. И тут же отшвырнул его в сторону. Радомер гневно глядел на сына, возвышаясь над ним.

– Вставай, шельмец. Ишь удумал – с холопами тягаться. Отца позорить?

Взвизгнула плеть. Сыромятный ремень скользнул по щеке Домана, полосую кожу до крови. Радомер отвернулся, пряча плеть за широкий пояс, расшитый золотыми бляхами.

Варяг, улыбаясь, подошёл к лежащему на земле ничком Ставру. Поднял его.

– Тебе сколько годов, кривич? – спросил варяг, притянув его к себе.

– Отец сказывал: семнадцать минуло, – ответил Ставр, смело глядя в глаза варягу.

– Значит, самое время, – загадочно сказал Агмунд.

Он хлопнул Ставра по плечу. От сильного толчка северянина Ставр едва вновь не упал в пыль. Агмунд рассмеялся.

– Беги, беги, кривич. И запомни: волк – зверь полезный.

Агмунд расхохотался, повернувшись к боярину. Ставр отбежал на несколько шагов, остановился. Перед ним стоял ключник Валент.

– Ты что ж, паршивец... Кем себя возомнил, негодяй!

Толстые пальцы грека впились в плечо Ставра. Боярин увидел у псарни старого ловчего Онфима и двинулся к нему. Ставр слышал, как боярин обратился к ловчему.

– Что было на охоте, Онфим? – спросил Радомер. Он знал, что старик хотя и побаивается его, но говорит всегда правду в глаза.

– У Черной речки? Нет, на Воловьём? Ведь ты там нашел Домана? Позабыв, что я запретил тебе и сыну соваться туда?

– Да, боярин, моя вина, вели казнить, – опустил голову Онфим.

– Ещё раз ослушаешься – плетью измочаю. Так что на Воловьём зрели?

– Оленя добыли, да рысь его отобрала.

– Что мелешь, хороняка? Рысь? Оленя? В своем ли уме?

– Так и было. Доман сказал. Но, думаю, не рысь то была.

– Что за зверь?

– Неведом. Может, и не зверь. Оборотень.

– И ты туда же? К болтунам с торжища?

– Доман сказывал, следы видел. У Воловьёго озера, в лесу. Сначала шли следы рыси, большие следы, а потом... следы сделались человечими. Сапог-то он узнал – хазарский. Без помощи волхвов нам оборотня не одолеть. Могучий лес был раньше, богатый зверьём и птицей, а вот, поди ж ты, завелась нечисть.

– Ты видел зверя, Доман? – спросил боярин.

– Отец, это рысь была. Но такая большая, каких у нас никогда не бывало. И оленя зверь уташил, словно какого-нибудь барсука. Ты б видел глаза зверины – как угли! Оборотень то был. Сплоховал бы – в когтях его оказался.

Свита варяга уже сидела в седлах. Расправлял поводья и Светозар, его конь бил копытом рядом со скакуном, который удерживала властной рукой красавица Элин. Агмунд заметил, ставя ногу в стремя.

– У страха глаза всегда больше, чем у великана Имира. А ведь он помогал богам строить небесный свод!

Боярин помрачнел, желваки бугрились на скулах.

– Когда мы покидали Полоцк и шли против Византии, оставил я здесь одну молодуху, – добавил Агмунд. Он был в хорошем расположении духа. – А два дня тому назад видел её в городе – настоящий вурдалак. Наши викинги, случается, и драконов видят.

Агмунд смеялся и тряс своей черной бородой. Радомер с трудом скривил губы в ответ – улыбнуться не получилось. Он кашлянул в кулак, прочистив горло. Доман и Онфим оставались серьезными.

Он усмехнулся, хитро подмигнув сестре, которая с интересом прислушивалась к разговору боярина с ловчим. Элин презрительно расхохоталась, сказав брату.

– Зайцу непросто показать силу медведю!

– Сон я сегодня видел, Радомер, – сказал варяг, – Привиделось мне, будто иду я по нашему северному лесу, в Бирке, и вдруг вижу волчонка. И так мне он понравился, что решил я его с собой взять.

Светозар посмотрел на Агмунда и неспешно произнёс:

– Такой сон может оказаться вещим.

– Ступай к матери, умойся, не позорь отца, – тихо приказал Радомер младшему сыну.

Но тот не ушел. Доман бормотал, утирая капавшую из носа кровь.

– Воловье озеро – страшное место. Крикнул там кто-то на весь лес, так крикнул, что и сейчас жуть пробирает. Не иначе, как оборотень там был.

– А что, Онфим, – спросил Радомер, – Возьмёшься оборотня поймать? Кошель серебра обещаю, если кто изловит живого! А, Онфим?

– Цена хорошая, боярин, – оживился Онфим. – Охотники найдутся. Это ж целое подворье можно купить аль стадо, десятка два коров. Отчего ж не попробовать.

– Вот сегодня и объяви в городе, – твёрдо сказал Радомер. – Кто доставит мне этого оборотня, кошель серебра получит. Мое слово твердое.

– Я за своего боевого коня столько в Киеве заплатил, – произнёс Агмунд, – мои викинги тоже пойдут искать оборотня, когда протрезвеют.

Услышав о награде, Ставр решил, что хорошо бы и ему вновь пойти искать оборотня. В том глухом лесу, за стеной из вековых сосен, скрывается непонятное и страшное существо, и чтобы одолеть его, надо стать частью того могущественного леса, раствориться в нём полностью...

Но достанет ли сил у него совершить сей подвиг? Вступить в открытый бой с неведомой силой? А мать Малуша? Она хворает и не переживет его гибели, если что. А сестра Снежана? Отец пропал и не вернется. Кто позаботится о семье, если Ставр, как Боян, сгинет в Воловьем болоте?

Соблазн велик – целый кошель серебра. Да, недаром бают, близок локоть да не укусить. Так и тут. Нет, боярин, пусть иные храбрецы счастье в трясинах ловят. А мне на роду не написаны такие подвиги. И потом... Отец учил: держись подальше от нечисти, Ставр, и не обойдет тебя милость богов. Или все же попробовать да пойти на оборотня? Авось помогут боги?

Ставр сам не заметил, как оттолкнул эконома Валента, шагнул к боярину, который уже собрался вознестись в седло, чтобы проводить варяга Агмунда и его свиту.

– Пресветлый боярин!

Радомер обернулся, равнодушно глянув на Ставра с головы до ног.

– Дозволь молвить, прошу.

Агмунд кивнул с высоты своего коня.

– Что ему нужно, боярин?

– Чего тебе? – буркнул Радомер.

– Господине, боярин Радомер, разреши мне...

Ставр запнулся. Сомнения в своих силах вновь одолели его. Он представил себе мать и отца, испугался. Радомер пристально глядел на него. И от боярского холодного взгляда Ставр терялся, хотелось провалиться под землю. Он уже сожалел, как никогда, о своем опрометчивом поступке.

– ... на оборотня сходить? – испытующе молвил боярин, который не ожидал такой прыти от Ставра. – Неужто решишься?

Радомер испытующе глядел Ставру прямо в глаза. Тот отвёл взгляд и тихо ответил:

– Нет. Дозволь, светлый боярин, к отцу да матери отлучиться. Три месяца не бывал дома.

– Видать нужно парню очень. Соскучился по материнской ласке! – весело сказал Агмунд.

Боярин взмахнул плетью, тронул коня. Кавалькада Агмунда, свита Радомера во главе с самим боярином отправились в путь. Удаляясь, Радомер крикнул Ставру, погоняя коня:

– Делай, холоп, как ключник решит!

Ставр стоял в клубах пыли, щеки горели от стыда. Доман подошёл к Ставру и оттолкнул его в сторону.

– Куда тебе оборотня ловить, это ж не лисица. Видел бы, что это за чудище! А ты, меч в руках не держал, да и на коне не сидишь!

Обидные слова боярского сына Ставр не слышал. Он будто стал глухим от позора, возненавидев себя. Грудь стиснула чья-то когтистая лапа. Ком подкатился к горлу, стало нечем дышать. Заслонив лицо рукавом посконной ветхой рубахи, Ставр побрел прочь от боярского терема, мимо Валента и Домана, глядевших ему вслед.

Материнская мольба

Ставр поспешил выбраться из города до того, как закроются на ночь ворота предместья в Заполотье. С большой неохотой эконом Валент позволил отлучиться с подворья Радомера. После гибели отца миновала третья седмица, а Ставр, занятый тяжелым трудом на боярских нивах, в конюшнях, на скотных дворах, так и не смог провести, утешить мать Малушу и сестру Снежану. Они жили за чертой прилегавших к Полоцку слобод, на выселках. Избушку у Черного ручья боярин Радомер жаловал погорельцам из милости, когда принимал в ловчие бывшего бортника Бояна.

За городскими воротами, возвышавшимися над валом и частоколом, песчаная дорога бежала вдоль изгиба Полоты. Падал с обрыва бурный поток, коричневый от болотного торфа, с грохотом крутил жернова. На мельнице хозяйничал угрюмый и благообразный старик – Пеласгий. Он имел свой надел, подворье, был богат и тароват, но выкупить мельницу у Радомера не спешил. Пеласгий умело пользовался своей зависимостью от боярина. Под защитой сильной длани разбирался старик с должниками. Их у него всегда было немало. Пеласгий охотно ссужал в долг серебро за великую мзду. Потому на мельницу всякое время тянулись людишки. Сказывали на торжище, то подлинно слышал Ставр, что гостил у мельника нередко народ темный, охочий до шальных забав на большой дороге. Смердов же, батрачивших на помоле, держал Пеласгий в страхе и покорности, что не могло не радовать грека-эконома Валента.

Вот и сейчас ветер доносил до Ставра зычный голос Пеласгия. Он покрикивал на парней, таскавших тяжелые мехи с зерном. С княжеских и боярских полей, прилегавших к стенам града Полоцка, уж как седмицу назад свезли жито. Хлеборобы посылали возы, груженные зерном, на мельницу, стараясь получить муку нового урожая.

Ставр видел, поднимаясь на высокий берег, как суетились работники у плотины, переноса мешки от телег к лабазу, выстроенному из могучих вековых бревен. Лес брали неподалеку, на берегу Двины, где шумела на песках веселая дубрава.

Вечерело. Одинокие звезды вспыхивали в бурой Полоте. Пастух Илья гнал в город стадо, играя на рожке. Ставр посторонился, пропуская пастушьих волкодавов, гнавших в стойла стадо буренок. По тропинке, которая вела на мельницу, кто-то бежал: Ставр слышал топот босых ног и хриплое дыхание.

– Ставр, Ставр! погоди!

Сын бортника замер, обернулся, увидев Домана. Тот бежал не с пустыми руками – за собой волочил нелегкий мешок, отдуваясь от натуги. Доман приблизился, свалил с плеча тяжкую ношу. Смахнул со лба прядь, намокшую от пота, улыбнулся.

– Подсобить, боярич? – хмуро спросил Ставр. – Куда с такой ношей на ночь глядя?

Доман кивнул на мех.

– Так это я тебе, друже. Слыхал твой разговор с Валентом.

– Про жито?

– Да. Я все слышал. Отказал он, да напрасно. Мог бы и дать мешок. Зерна на гумне вдосталь. Прости его. Скуп грек не в меру.

– Боги простят. Не нам, холопам, судить эконома. Зато боярское добро бережет.

Улыбка погасла на лице сына боярского. Крутые желваки заиграли на скулах. Доман хмуро глянул с бугра вниз, откуда доносился приглушенный рев потока и грохот жерновов.

– Буду сам на вотчине – не брошу. А пока, брат... Вот, бери...

Доман кивнул на мешок, лежавший у ног Ставра. Но сын бортника только покачал головой.

– Нет, Доман. Неси обратно. Валент узнает, нарежет с моей спины ремней сыромятных.

– Нет, нет. Я... я не позволю, брате! – закричал Доман. Но Ставр не слушал его. Он шагнул прочь, все выше поднимаясь к гребню бугра, через который шла дорога к Бояновой избушке. Доман стоял позади, оторопев. Когда Ставр отошел с десяток шагов, Доман спохватился и бросился к холопу.

– Стой, стой, Ставр.

– Ну чего тебе, боярич.

– Но почему? Почему не взять жито? Это же для тебя... Для твоей семьи...

Ставр помедлил. Небо быстро темнело. И звезд на нем становилось всё больше и больше. Они сверкали – холодные, острые, бессмертные.

– Видишь звезды, Доман?

– Да.

– Ты можешь коснуться их рукой?

– Нет.

Ставр приблизился к Доману, зашептал.

– Так и холоп не может приблизиться к боярину, как звезды к земле. Запомни это, Доман, прежде чем назвать холопа своим братом.

Ставр оттолкнул Домана и пошел, все быстрее и быстрее, через бурьян, без тропы, напролом, ловко перепрыгивая глубокие рытвины и ямы, густо усеявшие склон бугра – печники из Заполотья брали отсюда глину и песок.

Он шел, переполненный злобой, стискивая кулаки, срывая длинные стебли, путавшие ноги. Еще недавно никто бы не посмел так унижить его. Была другая, совсем непохожая на нынешнюю жизнь. Без ежедневных унижений и окриков. Была жизнь свободного поселенина-кривича, знавшего свой надел, свое дело, было доставшееся от прадедов хозяйство. Был изнуряющий до седьмого пота труд, лесные походы и стычки со зверьем на тропах. Но Ставр не боялся работы, втянулся в скитания по лесу. Он много знал о диких лесных пчелах и о том, как следует добывать в чаще мед, который охотно покупали на княжеском подворье в Полоцке. Отец многое передал ему из своего собственного, из дедовского опыта. Ставр любил и умел работать, и сил от лесной нелегкой жизни у него только прибавлялось.

Но вдруг все переменялось. Страшный лесной пожар сожрал прежнюю трудовую, независимую жизнь. Теперь некогда вольным бортникам приходилось влачить жалкое существование, маяться впроголодь, собирая объедки и попрошайничая у надменного грека, возвысившегося угодничеством и лестью у боярского престола.

Подходя к заимке, Ставр немного остыл от гнева, туманившего взор после встречи с боярским сыном. В избушке, вросшей в землю, крытой корьем и землей, топилась печь. Дым выходил из открытой настежь дощатой дверцы. На кольях, расставленных у плетня из ивовых прутьев, колыхался на ветру невод. Заимку поставили на холме, откуда открывался вид на широкую Двину. Ветер сгонял комарье, мошкарку и дым в низину.

Ставр с горечью подумал: верно, мать не убрала невод, помня об отце. Наверное, ей было легче так. Будто Боян ушел на ловлю и скоро вернется. Но отец не придет. Никогда.

Из клетки выглянула девушка в белом холщовом платке, которым она подвязала русые косы. Гибкий стан ее был схвачен домотканым передником с поясом, на котором висели ножны охотничьего клинка. Охнула.

– Ставрушка!

Ставр истово поклонился в пояс, как заведено было.

– Здрава будь, сестрица Снежана.

Снежана не знала – плакать или радоваться. Засуетилась, сорвала рушник с ветки у входа, кричала, возвращаясь в житло.

– Матушка, матушка Малуша, Ставр пришел... Радость-то... радость...

Показалась нестарая еще, сухая и высокая женщина. Бледная, в грубой сермяге. Жили одни глаза на ее открытом лице – большие, голубые, опущенные длинными ресницами. В молодые годы красотой славилась Малуша.

– Ставрुшка!

– Мама!

Мать обняла сына, прижалась к его обветренной щеке. Сухая, прозрачная от болезни рука гладила непослушные вихры Ставра.

– Вот эконо́м разрешил покинуть двор боярский... А жита... не дали, не заработал ни зернышка. Валент жаден не в меру, – только и смог сказать Ставр. Сердце сжалось от горечи при виде нищей избенки и матери, с трудом, он заметил, державшейся на ногах. Ставр сокрушенно вздохнул. Снежана тревожно глянула на него. Мать опустила плечи, зашлась в кашле. В ее груди клокотало, руки тряслись.

– Ничего, ничего, Ставрुшка... – улыбнулась мать Ставру, наказав дочке, – Снежана, пора вечерять, уха, кажись, поспела совсем...

В избышке было дымно и черно. Свет очага озарял плахи, покрытые густым слоем блестящей копоти. Над огнем кипело варево: капли с шипением скатывались по стенкам подвешенного котла. Мать разложила на дощатом столе липовые ложки, налила ухи в большую глиняную мису.

Сестра подала каравай. Оправдывалась, пряча руки под передник.

– Не взыщи, братец.

Мать, будто невзначай, подвинула нож Ставру – старый, зазубренный, отцовский. Ставр вспомнил, как отец брал нож, чтобы бережно пластать хлеб. Кому теперь раздавать ломти?

– Что ж ты, сынок? – тихо спросила Малуша.

Пересиливая себя, Ставр стал отрезать ломти, отдавал матери и сестре. Хлеб крошился. Муки житной, было заметно, почти не было в каравае, из ржаных покребышей на углях пекли. Больше толченая кора да лебеда. Едва началась осень, вот-вот отшумело жниво, а у семьи нет в достатке хлеба. Ставр подумал, каково станет матери с сестрой зимой? Нет муки – придется кормиться сушеной рыбой, кореньями, толченой в прах лебедой, собранной Снежаной на межах боярских полей.

Перед ужином истово вознесли хвалу Дажьбогу и Стрибогу, Яриле да Макоши. Вторили Ставру Малуша и Снежана, старательно повторяя заученное моление – память хранила с малых лет.

Похлебав ушицы и закусив хлебцем из лебеды, у дымного очага говорили долго. Мать таила скорбь и бодрилась, спрашивала сына о боярском дворе, о том, как живет дворня под рукой сильного хозяина Радомера. Сытно ли? Спокойно? Ставр отвечал, как мог. Говорить Малуше было трудно, но она держалась, стараясь не выказать перед сыном слабости. Не нужно бы видеть ему ее немощи, да как скрыть?

Поникшая Малуша всё гладила загорелую ладонь сына, ставшую от трудной работы темной, как корень, твердой, как камень. О чем она думала в эти минуты у домашнего дымного очага? О лучшей поре ее жизни, когда Лада подарила ей любовь и вместе с ней здорового первенца-сына? О веселом лесе и напевном жужжании золотых пчел, которые жили в колодах, что вытесывал топором из липовых обрубков муж Боян?

Ставр торопился выговориться. Рассказывал обо всем, что привелось ему услышать за последние летние месяцы, что провел на боярском подворье вдали от родного дома. О том, как возвращались из далекого похода на греков и болгар воины княгини Предславы, пожелавшие присоединиться к дружинам киевского князя Святослава. О том, как охотился на вепрей молодой князь Тур. Его привечал на своем подворье боярин Радомер, гордившийся вниманием и доверием могучих властителей и тем, чем одаривали его полоцкие князья. О том, как боярский отпрыск, его молочный брат и ровесник Доман охотился с ним в лесах у Воловьего озера.

Как привиделось страшное. Дикий зверь утащил в чашу оленя да пропал. А когда охотники попытались настичь зверя, то вместо звериных следов нашли отпечатки человеческих ног.

– Неужто оборотень, матушка? Настоящий, дух лесной.

– Померешилось, стало быть, твоему Доману. Да и Онфим блаженный. Всё меды даровые, боярские. Лишку хватили перед охотничьей забавой. Твой отец много зверья видал, но оборотней никогда не поминал, – твердо сказала Малуша.

– Пусть Перун поразит меня своей стрелой огненной, – поклялся Ставр, – если солгал. Не вру, матушка, верь мне. Так и сказывали на торжище – оборотень в лесах завелся. Хазарин какой-то, чья душа никак не успокоится. Не принимают ее боги в чертоги свои, на небеса. Боярин Радомер по всему Полоцку велел огласить, что даст три меры серебра тому, кто добудет хазарского оборотня. И жрец Светозар благословил обещание его при всех мужах славных.

Сестрица Снежана испуганно посмотрела на мать.

– Верно, не обошлось без козней Чернобога, – сказала Малуша. – Но чаще нечистые людишки воду мутят. Об этом подумай, Ставрешка.

– Хорошо, матушка, – согласился Ставр, – А об отце... Не беспокойся. Найду злодеев. Отомщу.

Дрогнула, сильным кашлем зашлась Малуша. Встрепенулась Снежана, захлопотала, налила из плошки.

– Испей, матушка, отвару. Полегчает. Свежо нынче ночью, осень хоть и теплая да всё ж с реки сыростью тянет.

Малуша отхлебнула из ковша целебный, настоянный на полевых и лесных травах отвар. Откинулась на лавке. Взгляд ее блуждал, она хотела что-то сказать, но только немо шевелила губами, будто боги враз лишили жену погибшего Бояна дара речи.

– А что княгиня наша, Ставрешка. Как Предслава обретается? Внучка её Рогнеда, говорят, совсем девица на выданье? Расскажи, братец, что знаешь, не томи, – спрашивала Снежана, подкладывая щепы в очаг.

Ставр припоминал в угоду сестре новые и новые подробности из того, что слышал в палатах боярина Радомера. Рогволод, дескать, обещал по прибытии из земель данников-ливов привезти в Полоцк дочь свою Рогнеду. Дружинники, слышал Ставр, славили ее красоту. Пригожая, но совсем еще юная дева Рогнеда. Как цвет лазоревый, говорят, расцветает.

Снежана ловила каждое слово брата, боясь прервать неловким шорохом. Так зачарованно внимала она подчас переходившим сказителям, вещавшим былины, повести о заморской далекой жизни, недоступной и неведомой, но таинственной и важной. Гора, на которой жили полоцкие князья, возвышалась в поприще от избышки, над слиянием Полоты с Двиной. Но как же далеко отстояла княжеские терема от ветхого жилья семьи погибшего бортника. И жизнь там была другая, чуждая...

– Матушка, да слышишь ли ты меня? – Ставр заметил, что Малуша почти не слушает его, отрешенно глядит в очаг. Закаменела. Одинокая слезинка замерла на ее щеке. Глаза пустые, скорбные.

– Матушка, что с тобой? – Ставр упал на колени перед матерью, поцеловал ее натруженные, сухие руки.

– Беда, сынок, беда вновь пришла, – шептала Малуша, – гнев богов преследует нас. За что?

Опустив плечи, то и дело сбиваясь, обрывая фразы, Малуша забормотала о своем, наболевшем. Как явился на подворье человек, космат и с виду черен, будто только что выбрался из нутра земли родимой. Хрипел страшно, зверино. Ставр слышал прежде этот рассказ, мать часто повторяла его. Вот и теперь не говорила Малуша – бредила, предаваясь мучительным видениям...

И вот уже Ставр явственно слышался хриплый голос черного коваля, явившегося неожиданно в семью Бояна.

– Кузнец я, Дубцом кличут. Аль запомятовала меня, старуха?

Малуша доверчиво глядела на хмурого и страшного вестника.

– Запомятовала. Прости, кузнец.

Без лишних слов, рывком развернул перед ней холстину.

– Твоё?

Котомка! Малуша сразу узнала вещь, которая принадлежала Бояну. Птицу с простертыми крыльями она сама вышила на охотничьей суме, желая порадовать мужа. Боян любил рукодельство жены-мастерицы и просил украшать рубаху ли, шапку, рушник.

– Моё, – тихо ответила Малуша. – Откуда это у тебя, кузнец?

Дубец умолк. Он мял в узловатых кулаках котомку, будто не из холстины она была сотворена, а из невыделанной и неподатливой кожи, которую следовало хорошо размягчить.

Слёзы сами покатались по лицу Малуши. Женщина с трудом понимала, что говорит ей кузнец. А он тряс её за плечо и всё спрашивал:

– Это ведь Бояна твоего? Что, баба, не молчи...

Она не слышала коваля. Оцепенение, стиснувшее её, превратилось тогда в сон, будто земля провалилась. Малуша впала в забытьё. Страшное виделось. Будто её Боян бежит от кого-то лохматого, рыкающего, сверкающие зубья торчат из мохнатых лапищ. Муж спотыкается, падает, поднимается, бежит и снова валится в мох. И тут на него набрасываются страшные звери с длинной клокастой шерстью. Один зверь отбежал в сторону, держа в пасти оторванную руку, другой терзает зубами горло Бояна. Кровь, кровь...

Сквозь сон Малуша услышала голос сына:

– Мама, очнись! Прошу, восстань, во имя богов пресветлых...

Малуша открыла глаза, над ней склонялись дети – Ставр и Снежана. Где была ее душа в тот миг? Может, думал Ставр, на небесной тропе среди облаков, что вела к предкам, веселившимся в зеленых куцах Сварога. Она видела места вечного счастья, где нет голода и холода? Малуша тряслась, цепляясь за доски полатей. Видения недавнего прошлого не отпускали ее, заставляли шептать о том, что говорил ей страшный вестник.

– Недалёко от Воловьего озера это было, да... нашёл там котомку, – бормотал Дубец, – А ещё, ты веришь, следы там я видел диковинные, не наши лапотные. Пошёл я, было по ним, а они раз, да и кончились... человечьи следы, а вместо них звериные...

Прошлое и настоящее мешались в замутненном сознании Малуши. Грезила тяжело. Снежана поила отваром, хлопотала у очага. Малуша понемногу приходила в себя. Взор светлел. Ставр наконец увидел, как мать мягко отстранила от себя сына, вновь улыбнулась тихо.

– Прости, сынок, грезится миг тот... Лада напоминает о Бояне, посылает сны наяву... Нет сладу...

– Успокойся, матушка, выпей отвар, я с тобой, рядом...

Малуша отпила из чаши, щипала крошки от краюхи, но не ела. Думала, глядя в мерцавший, исходивший горьким чадом огонь:

– Пропал Боян. Нет с нами больше вашего отца. Убили... звери лютые...

Накрыв Малушу ветхим тулупом, Снежана убаюкивала мать и пела ей – тихо, душевно. Древней песне кривичей дочь научилась у матери, чтобы обучить потом своих детей словам, освящённым веками. Такие песни истекают прямо из сердца, а спевшая её впервые и сама не знала, как сложилась дивная музыка и откуда взялась.

Ставр вышел из убогого жилья. От едкого дыма шумело в висках. Но от дыма ли? Ветер мотал на кольях неубранные рыбачьи неводы. Ставр почувствовал, как болит в груди, будто в нутро кто-то злобный тыкал острым, прижигая. Он подумал, что не сможет быть здесь еще

несколько дней, здесь каждая вещь, каждая мелочь напоминает об отце, укоряет: душа Бояна не отомщена, сверши возмездие!

Собирая невод, Ставр вспоминал такой же ядреный и свежий вечер. Тогда семья бывшего бортника еще только приживалась на новом месте у Двины. Боян привыкал к обязанностям ловчего, зависимого от боярской воли. Отец и сын споро трудились вдвоем, готовя невод. На заре Боян собирался плыть в челне на рыбные ловы у Экимани. Там собиралась артель, отдававшая боярину Радомеру до половины улова в счет оброка. Ключник Валент велел Бояну помогать рыбалям.

Закончив подготовку к будущей рыбной ловле, приведя в порядок челн и все снасти, отец и сын сидели на берегу, глядя на то, как сверкающие звезды покачивались на серебряных дорожках широкой Двины.

Боян не смог удержаться от воспоминаний о счастливых днях. Он учил сына, долго зачем-то рассказывал, как надо строить хозяйство, если надумал заняться бортническим промыслом. Эх, вернуть бы золотое времечко. Да где там! Остались угли – нет Бояна, только память о нём. Но сладко, хоть и больно было вспоминать Ставра об отце.

Лес, говорил Боян, сам подарит богатство тому, кто умеет с ним поладить. Вдоль Двины найдется и теперь немало дубрав, которые богаты хорошими медоносами. И деревья для бортника самые что ни есть кормильцы, ведь они дарят приют пчелам и даруют им нектар, пыльцу, когда покрываются ветки не только листвой, но и цветами. И нет лучше липовых лесов, в которых так хорошо и вольно дышится в начале лета, когда жизнь набирает силу и полнятся бортники медом нового урожая.

Ухожья (так называли владения бортника) населять следовало десятками пчелиных семей, выдолбив для них удобные колоды, не пожалев труда и дерева. Разместить колоды в местах, куда просто добраться бортнику и непросто лесному зверю, особенно медведям, охочих до дармовых сладостей.

– Дорого за борть нынче берут в Полоцке, – сокрушался Боян, – Сказывали, не меньше пяти кун просят. Ежели борть без пчел. А с пчелиной семьей и все полгривны не пожалеют оторвать. Совсем совести у людей не стало.

Отец часто вздыхал, вспоминая об участке, который лесной пожар испепелил на его глазах в тот злополучный летний день два года назад. Гроза прошла стороной. Над лесами боги перекинули для Ярилы многоцветный мост-радугу. Но Чернобог послал испытание. Внезапно полыхнули дальние дали и огонь стал наступать на прибрежный лес, уничтожая всё на своем пути. И бежали, спасаясь из огненного кольца звери и птицы. И лани искали спасения у многоводной Двины вместе с вепрями и волками.

Ночь вступала в свои права. Свежело. И звезды сверкали все ярче и ярче. Над Двиной плыли бледные полосы – ночной туман напознал из низины, смешиваясь с дымом, тянувшимся от костра, в который Ставр подбрасывал валежник. Шумели ивы на ночном ветру. И в их пение вплетался голос сестры Снежаны. Она шла по берегу и пела, славилась светлую Ладу и ее подруг, богинь воды и леса, что водили хороводы на широких лугах в ночных туманах.

Отец умолк, прислушавшись к песне дочери. Отблески костра отбрасывали причудливые тени на его скуластых щеках. И в русой бороде гасли искорки, падавшие от трещавших в пламени ветвей сухостоя.

А Снежана пела о суженом, что встретит ее когда-нибудь у околицы, на богатом коне и назовет девицу ладушкой.

– На выданье девка, – сказал отец, опустив голову.

Ставр молчал. Подбросил в костер суковатую валежину. К звездам взвился рой огненных мух. Боян смотрел на то, как искры растворялись в ночном мраке.

– Давеча к кузнецу наведывался крючья да ножи поправить, – проговорил старый бортник, поправляя хворост в костре.

– К Дубцу, стало быть?

– К нему, вестимо. И, знаешь, что поведал?

– Что же, отец?

– Я не поверил сначала, но Дубец лгать не станет. Зачем ему неправда? На днях получил он от Валента, эконома боярского, повеление. Отковать новые лемехи и топоры для смердов, что на боярина Радомера скоро работать станут.

– Откель смерды?

– Из новгородских пятин придут. Радомер уже послал за ними. А сядут те смерды на земле, знаешь, где?

– Неужто на нашем пожарище?

Боян не вымолвил ни слова – только кивнул, подтверждая догадку сына. Ставр нахмурился, ликом потемнел. На щеках вспыхнули алые пятна, погасли. Молчали, глядя в жаркое, гулящее пламя, рвущееся в черные звездные небеса.

– Ничего, батюшка, боги не оставят нас, – прошептал Ставр, – испытания только для того богами посланы, чтобы сделать нас сильнее.

– Откуда ты взял блажь такую?

– Не блажь, токмо истина. Жрец Светозар говорил в утешение боярину.

Песня Снежаны летела над рекой, будто птица, расправившая крылья после долгой неволи. Голос звучал высоко и чисто. И Ставру нравилось тогда слушать пение сестры, чувствовать рядом с собой могучее отцовское плечо, готовое всегда заслонить от напасти. Когда тебе семнадцать и ты уже успел хлебнуть лиха от горькой жизни, так важно, чтобы было на кого опереться и кому довериться всей душой.

Ладонь Бояна внезапно прикоснулась к плечу Ставра. Юноша увидел, как блеснули отцовские очи. Отец оправил окладистую бороду, будто собирался с духом перед молитвой пресветлым богам, проговорил тихо.

– Ты прости меня, сынок...

– За что, батюшка?

– За то, что отдал тебя боярину в рабство. Но у меня не было иного выхода. После пожара ни кола, ни двора не осталось, только пепел. Боярин на поправку ни резаны не дал, а оброк неимоверно возвысил. Что мне было делать? Придется тебе три года рабом быть.

– Ничего, отец, я сумею выстоять. А обидит Радомер или Валент, за мной не станет, отобьюсь!

Боян взмахнул руками, будто отгоняя тёмное. Затряслась русая борода. Решительность сына встревожила старика. И он, как мог, пытался предостеречь, защитить родную кровинушку от будущей невзгоды.

– Нет, сын, нет. И не думай даже. С боярином тягаться – слыхано ли дело? Кто мы такие, люди малые, безземельные... Простому бортнику сильные мужи не ровня. Утопят в болоте, им только кивнуть гридням. Тем только на потеху. И потом... давно хотел тебе сказать...

– Что, батюшка?

– Домана сторонись, Ставрушка. Попомни мое слово. Подведет он тебя, как срок придёт. Хоть и брат он тебе молочный, но душой слаб. Не к добру такой братец. Ох, не к добру.

Ставр молча ворошил в костре – вспыхивали синие огоньки на рубиновых углях. Пронеслась и растаяла в ночном мареве песня сестры Снежаны.

– Что же нам делать? Как выбраться из беды, отец? – спросил Ставр.

Боян не отвечал. Он молча сидел у костра, думал. Сильная рука стискивала костяную рукоятку ножа, подвешенного к широкому кожаному поясу.

– Вот и получается, сынок, – сказал после долгого раздумья отец, – не зря лесной пожар настиг нас. Раньше думал, чем прогневил богов, почему разозлился на наш род Перун? Может,

дед или отец мой, что неблагоприятное сотворили, за что нам с тобой расплатиться суждено. Ан нет. Все проще простого. Боярская воля на то. И пожар лесной той воле повинен.

– Но над боярином есть князь Рогволод. Мать его – старая княгиня, справедлив суд её. Челобитную представим Предславе. Неужто не заступится княжий суд? Неужто боги обидят нас?

– К князьям через тиуна пробиваться надо. А тиун серебро любит. У нас, сам видишь, Ставрушка, даже жита нет. И где взять, голым да убогим? Не на большую же дорогу с кистенём?

– Что ты, отец, что ты... Сварог накажет.

– Вот и я о том же, сынок. Будем богов молить. Может, заступятся за нас пресветлые, вернут милость свою и попечение.

Ставр хотел подбросить еще валежника в начавшее слабеть пламя костра. Но отец остановил его.

– Не надо, сынок. Пусть утихнет огонь. Пора и ко сну отойти, мне на рассвете на ловы уходить. Тебе же на двор боярский возвращаться. Служи боярину, два года еще потерпеть осталось, а там видно будет.

– Хорошо, отец, воля твоя.

– Вот и ладно.

Той летней ночью на пути к ночлегу, что был приготовлен Ставру на гумне у рыбацкой избышки, Боян остановился и снял с себя мешочек, сшитый из оленьей кожи и украшенный стеклянным бисером. Протянул вещицу Ставру.

– Возьми.

– Что это? Зачем?

– Надо, – голос отца звучал решительно и неожиданно сурово, – Ты должен взять. Тебе семнадцать. Я убил его, когда мне было столько же. Это случилось на Воловьем озере. Медведь напал на меня, когда мы с твоим дедом Тудором расставляли борти на ухोजье. Зверь ударил Тудора и сбил его наземь, сломал рогатину, зацепил когтем. Кровь залила лицо твоего деда. Он звал меня. Я не опоздал. Когда медведь встал на задние лапы, чтобы обрушиться на меня, я ударил его ножом в сердце.

Поверженный зверь долго помирал, бился в агонии, смерть никак не брала окаянного, вспоминал Боян. Пришлось размозжить его череп камнем. Только тогда хищник испустил дух. Череп хозяина чащобы бортники принесли в жертву богам, а медвежьи клыки стали с того дня защищать тех, кто сокрушил лесного великана. Боян утверждал, что именно этот амулет помог ему в день страшного пожара, испепелившего придвинское ухोजье бортников.

Передав амулет, Боян спросил сына, задумчиво глядя на сверкающие звезды.

– Береги себя, Ставр.

– Хорошо, отец. Но почему...

– Не спрашивай ни о чем. Просто обещай.

– Хорошо. Но что мне обещать тебе?

– Что будешь жить. Во что бы то ни стало. Чтобы сберечь не только себя, но мать и сестру.

– Да, отец. Клянусь.

В прошлом остались та летняя ночь, Боян, заветы его. Незадолго до рассвета, мокрый от осенней росы, Ставр проснулся на бугре у Двины, будто кто-то толкнул его в плечо. Он оглянулся. Никого рядом с ним не было. Над рекой колыхалась молочная стена. Туман, плотный и вязкий, окутал землю, ожидая, когда Ярило растопит его своими золотыми лучами.

Из молочной стены вышла, пошатываясь, Малуша. Подала сыну холстину.

– Лепешки. Тебе пора, сынок. Скоро светает.

– Отец... я говорил с ним, матушка. Тогда, летом...

– Я знаю. Помни о том, что он сказал. Но берегись и будь осторожен. На боярском дворе много врагов. Сильные люди погубили Бояна. Трудно тебе будет. А теперь ступай, найди супостата...

– Но кто он? Радомер? А, может, жрец Светозар? Ведовством напустил на нас лесной пожар? Скажи, матушка! Он?

– Не знаю, сынок. Молись о душе Бояна. Светлые боги помогут найти убийц. Ступай.

Поклонившись матери, Ставр пошел над Двиной. Оглянулся. Малуша стояла у реки на тропе, по которой однажды ушел в предрассветный сумрак отец. У берега колыхался на волне привязанный к колышку челн. Боян выдолбил его из цельного дуба давным-давно своими руками. Вечером прошлого дня Ставр сложил в него собранный невод.

– Невод продай, матушка, рыбалям в Экимань, – сказал сын бортника. Малуша согласно кивнула, махнув рукой.

Белую рубаху Малуши рвал предрассветный ветер. Её тело казалось Ставру невесомым, сотканным из тумана, из тонкого марева, что плыло над темной водой. Вихрь, внезапный, сильный, озорной, вот-вот мог подхватить её, легкую, ранимую. И ему стало страшно оттого, что он может потерять мать навсегда. Так, как и отца. Нет, он, Ставр, сын бортника Бояна, не позволит не унести ветрам зыбкое туманное видение прочь, в дальние дали, туда, где темнели за Двиной черные леса.

Сестра северянина

– Никак варяги пожаловали, – Белян, работник Пеласгия, разогнул усталую спину. Ставр увидел, как над Полотой по тропе к мельнице мчались всадники. Впереди на вороном скакал бородатый вершник.

– Агмунд, конь у него приметный, как ночь чёрен, – сказал Велига, второй работник мельника. Он опасливо покосился на бревенчатое строение, примостившееся у бурного потока. – А вы, ребята, не отлынивайте. Пеласгий нутром чует, потом наверстывай. Неровен час без похлёбки оставит.

Белян нехотя взвалил на спину тяжелый куль с зерном, чтобы волочить ношу к жерновам, где заправлял придирчивый Пеласгий. Работать начали рано, задолго до рассвета. Беляну и Велиге хотелось отдохнуть после вчерашней гульбы, ведь браги давеча перебрали они порядно.

– И ты б, Ставр, заканчивал с колесом-то, да нам подсоблял, – проворчал Велига, – Нечего на девок пялиться.

Мимо Ставра пронеслась рядом с боярским сыном Доманом, стремя о стремя, белокурая дева. В седле держалась по-мужски, привычно, прямо. Ставр опустил ведро с дегтем, которым мазал колесо. Залюбовался красавицей.

– Держись дальше от берега, Элин! – крикнул, обернувшись к деве чернобородый варяг.

Неподалёку от плотины плакучие ивы склонились к Полоте на самом краю обрывистого берега. Когда до мельницы оставалось совсем немного, под копытом лошади Элин обвалилась глыба. Лошадь оступилась, рванулась вперёд. Элин не удержалась в седле. Заскользив по глинистому берегу, девушка упала в воду. Она пыталась выплыть, но ей помешал водоворот – отбросил на самую стремнину.

Агмунд спрыгнул с коня, сорвал на ходу пояс с мечом и бросился к берегу, но течение уже подхватило и понесло Элин. Девушка старалась подплыть к мельничному колесу, но река властно увлекла ее прочь.

На крики Агмунда выбежал из мельницы Пеласгий, а вслед за ним и его подручные. Мельник отчаянно кричал и махал руками, а Велига и Белян только охали да сустились. Не раздумывая, Ставр прыгнул в реку, проплыл вперёд, подхватил девицу за волосы и стал выгребать одной рукой к берегу. Элин что-то гневно кричала по-варяжски, но Ставр упорно стремился к суше, пока ноги не нащупали твердое дно.

Элин пластом лежала на мокрой глине, её бил озноб. Ставр с трудом отдышался.

– Меч ко дну тянул... – задыхаясь, произнесла Элин.

– Что ж не отстегнула?

– Не смогла...

К ним бежали Агмунд и Доман, а следом и Пеласгий с работниками – Беляном да Велигой. Старик отчаянно ругался на нерадивых холопов, потрясая кулаками.

– Дурачье, что стояли, как дубины! А ежели б пропала девка? Погодите, уж обломаю дубье о морды ваши проклятые! Кабы не Ставр, так... И подумать страх!

– Пропади ты пропадом, Пеласгий, – негодовал Агмунд, – Сколь раз тебе говорил, чтобы срубил эти окаянные ивы... Там коню не пройти! Чтoб тебе провалиться!

Пеласгий сопел в бороду, косился на разгневанного варяга. Но старик знал, что тот покричит, да скоро успокоится, а выпьет, так и вовсе быстро обо всём позабудет.

– Тотчас пошлю людей, чтобы срубили. Там все лесом едут, недалече, – начал было Пеласгий, да глянул на варяга, запнулся и подозвал к себе Беляна. Зашептал холопу.

– Мёду носи, мёду крепкого, варяга успокаивать надо. Вишь, какие гости сегодня... да кликни, чтоб Голуба на стол собирала.

Когда Белян принёс мёд, Агмунд налил кружку доверху для Элин.

– Пей, сестра. Хороший мёд – лучшее снадобье.

Элин отпила несколько глотков, светло взглянула на Ставра и протянула кружку ему. Ставр выпил, поклонился Элин.

– Молодец, Ставрушка, не растерялся, – похвалил Пеласгий кривича, – Сегодня шёл бы ты в лес, травки пособирал, родимец. Спину нешто ломит...

– Ага, знаем твои травки. На привороты все, – подмигнул Доман мельнику, – небось сам варишь, а потом в слободе девкам продаешь тайком. Радомер не позволял тебе сей промысел, ворожей...

Пеласгий будто и не слышал, что молвил боярич. Ставр уселся на траву, чтоб перемотать онучи в сторонке. Он искоса наблюдал за мельником и Доманом.

– Ой, у меня ж квасок припасен, – хлопнул себя по лбу мельник, – Заборист, ядрен! У батюшки Радомера в клетях не сыскать!

Подхватив портки, Пеласгий затрусил прочь.

– Старый лешак. Мягко стелет, жестко спать. Небось знатно нагрел тебе загривок, а, братец? – озорно процедил вдогонку мельнику Доман, подмигнув Ставру. Кривич промолчал. Негоже холопу супротив хозяина выступать.

Селяне из близких деревень боялись Пеласгия. Многие видели, как он сыплет зерно в реку, чтоб сговориться на заре с водяным. Говорили, что зимой, при заморозках, кладёт мельник под деревянное мельничное колесо кусок сала, чтоб водяной не слизывал смазку и оно крутилось.

– Пойдём, поешь малость с господской кухни, – хлопнул Ставра по плечу Доман.

Доман и Ставр направились по следам мельника. Жилая изба Пеласгия, рубленая из брёвен и крытая дранкой, одна стояла посреди поляны за крепким тыном. Рядом с ней помещались сарай и столб, на котором торчал побелевший, выжженный солнцем и омытый дождями, конский череп. Неподалёку работники сложили шалаши из камыша, веток и хвороста.

– Хлеб да соль, боярич, – пропела румяная и разбитная девка в полотняной рубахе, шитой красными петухами.

– А что, Голуба, не надоел тебе лешак? Не уморил тебя на своей перине часом? – прищурился Доман.

– Ох, и прискучил, Доманушка, да ведь ты меня к себе не берешь, – игриво улынулась Голуба, сдвинув как бы нарочно с голого плеча рубаху.

– Да ты место знай, гулёна, – строго оборвал Голубу Доман, присаживаясь на лавку. Служанка схватила жбан и скрылась в погребу.

Скоро стол наполнился яствами да питвом из запасов Пеласгия. Голуба знала толк не только в любовных утехах, но и в угощениях. Мельник суетился, старался услужить варягам Агмунду и Элин, но прежде всего сыну боярина Радомера – Доману.

– Такого дорогого гостя, как боярич Доман, я всегда рад видеть, – говорил мельник.

Доман чувствовал на мельнице почти хозяином. В его воле было убрать Пеласгия с хлебного места. Хитрый мельник понимал, потому и угождал бояричу, как мог.

Доман сунул в руку Ставра большой ломоть настоящего ржаного, без мякины и лебеды, хлеба да кусок славно прожаренной говядины, кивнул в сторону. Ставр отошел, расположился невдалеке от господского стола. Покидать место трапезы совсем посчитал зазорным – холопа никто не отпускал. А воля Домана, сына боярского, была для раба законом.

Ставр наблюдал за гостями мельника со стороны. Степенный Агмунд жевал сушёное мясо, пил мёд, поглядывал на мельника и загадочно улыбался. Элин едва пригубила чашу забористого кваску, а затем взяла лук, колчан со стрелами и пошла в лес. Из дома Пеласгия вышла

Голуба, принесла блюдо с рыбой, посмотрела вслед сестре варяга, юркнула в дом. Доман отставил чашу, пригладил вихры да поспешил в избу.

– Повадился волк на скотный двор, подымай городьбу выше. – Так у вас говорят, а, Пеласгий? – сказал, улыбаясь Агмунд.

– Зачем же подымать, от Голубы небось не убудет. Она и сама рада, – лукаво усмехнулся в бороду Пеласгий. Он подложил варягу кусок получше да испытующе глянул в глаза.

– Всё возьмёшь?

Агмунд кивнул головой.

– Всё. Кто знает, когда ещё вернусь. Это ты, старик, живёшь на одном месте, а я уж и не помню, из скольких рек пил воду, сколько гор перевалил, да сколь морей видел.

– Воевать любишь...

– Все воюют, старик, – перебил его Агмунд, – одни нападают с голоду, другие от жадности, третьи – чтоб невольников захватить.

– Войну звери дикие любят. Да вы – варяги. Покудова дух чужинцев не повеял среди кривичей, деды и прадеды землю пахали, песни пели и мирно славили богов. В оружии нам нужды не было, разве что зверя охотить.

– Теперь и вашим людям нравится воевать, – сказал Агмунд, – научились.

– Княжество велико, земли много, – проворчал Пеласгий, – войти просто, выйти – нелегко.

– Серебро в избе держишь? – спросил Агмунд.

– Тебе-то что с того, варяг? Тебе до моего серебра воли не иметь. Зарок на нем. Чужаку не дается, Хорс видит, – ответил Пеласгий.

– Скор ты на язык. Даром что стар. И хитер. Налей мёду, старый лис, – рассмеялся варяг. – Смотри, что дашь за такую красоту?

Агмунд развернул тряпицу. Ставр заметил, как сверкнуло золото на солнце. Пеласгий вертел в корявых пальцах усыпанную самоцветами драгоценную панагию.

– Сторгуемся, – наконец буркнул Пеласгий. – Вещь редкая. Неужто греческой работы? Откуда к нам попала?

– А про то тебе дела нет? Меняй на серебро – все дела.

Агмунд выразительно поглядел на сестру. Элин поняла брата с полуслова. Она встала из-за стола, кивнула кривичу.

– Эй, спаситель, – усмехнулась северянка, – а в бору дичь у вас не перевелась?

В руках Элин оказался лук, склеенный из роговых пластин. Он был достаточно крепок и гибок, с хорошей тетивой. Но согнуть его могла и девушка. Это было оружие для забавы, не для боя. Настоящий воин лишь усмехнулся бы, увидев такой лук.

Ставр повел Элин в сосновый бор.

В лесу, шагая рядом с красавицей, Ставр не мог успокоить себя. Мысли путались. Девушка с русыми косами взволновала. Он всё ещё чувствовал, как держал её в руках ее гибкое тело, когда вытаскивал из воды. Эх, свершилось бы чудо, полюбила бы его сестра варяга – назвал бы навеки своей Ладой, Любушкой. Вовек бы не отринула.

Хрустнул валежник. Элин остановилась у сосны, вскинув лук со стрелой наготове. Ставр указал девушке на цель – на ветвях сосны порхала пичуга.

Стрела, заметил Ставр, была особенная – украшали древко черные вороньи перья. Вынужденное купание, бурная река, подумал Ставр, распалили варяжскую девушку. Элин, возможно, хотелось бежать, гнать, стрелять из лука, видеть кровь и смерть лесного зверья. Вот сейчас взять ее да привлечь к себе, стиснуть в объятиях. Это так просто. Неужто откажет тому, кто сорвался ради нее в опасную пучину, без раздумий бросил на весы судьбы свою жизнь?

– Зачем за мной бросился?! Другие вон, не прыгнули! – резко спросила Элин. – Сам ведь утонуть мог.

– Я не думал о себе...

Рядом застрекотала сорока, села на сосну. Черно-белая вестница сердито хлопала крыльями, кричала. Следом прилетела другая, третья. Сороки громко верещали, кружили.

Ставр отмахнулся рукой, а сестра варяга стремительно натянула тетиву. Выстрел! Чёрная стрела пролетела мимо птиц. Сороки отскочили. Элин выстрелила ещё и ещё. Она послала стрелу за стрелой, пока колчан не опустел, но не подстрелила ни одной. Сороки исчезли, взмахнув крыльями. Лес снова замолчал.

Они шли под сень вековых деревьев, всё дальше. Элин ступала неслышно. Она была опытной охотницей и знала, как выслеживать добычу.

– Гляди! – воскликнул Ставр. Элин обернулась. Она выхватила поясной нож, готовая вонзить его без колебаний в незнакомого врага. Но позади не человек глядел на неё. В черном мраке дупла горели глаза. Тарашилась большая сова. Элин перевела дух. Она долго смотрела на птицу, вскинула лук. Но тут же опустила.

– Пойдем отсюда, – сказала девушка.

– Как? Без добычи?

– Пойдем, – голос Элин звучал грубо и требовательно. Ставр подчинился. Шагая обратно, Элин гордо несла свой лук и ни разу не поглядела на кривича. По пути Элин сорвала полевой цветок. Ставру показалось, что гордая северянка о чем-то сожалела. О чем? Она не нашла то, что искала в чаше?

Вернувшись к тыну, Ставр следил за тем, что происходило у дома мельника. Элин остановил Агмунд. Он заметил, что колчан сестры пуст. В русой косе сестры синел полевой цветок. Взор Элин был светел.

– Подстрелила кого, сестра? – усмехнувшись, спросил он.

– Владыка леса Видар знак мне послал, – тихо ответила Элин, присаживаясь к столу.

– И цветок тебе этот подарил?

– Барвинок. Полочане говорят, высушить, истолочь да подмешать в пищу того, кого любишь, привлечешь его любовь.

Тоска по семейному очагу, своему тихому счастью? Ставр подумал, что грозный воин Агмунд не подозревал, что Элин может быть такой: мечтательной и нежной. Да, ей давно уже пора было иметь семью и детей. Агмунд подыскивал ей достойного жениха, но Элин была своенравной и хотела выбрать сама. Похоже, именно теперь, в месяц Видар ей понравился тот, кто встал на пути.

– Бывает, чувства туманят разум, – сказал Агмунд, – будь осторожна, сестра. Твой избранник должен завоевать твою любовь и быть достойным тебя.

– Скажи, брат, – обратилась Элин, – зачем наши викинги оставили фьорды и море, там плохая земля?

– Там наша земля. Но, когда человек рождается, его судьбу определяют боги и изменить её он не в силах. И не столько богатства ищет, но судьбу, что гонит в странствия по свету. Отцу нашему, сестра, пришлось немало бродить по свету с дружиной. И мне наши боги велют скитаться.

– Чтобы искать судьбу?

– ... и богатство, власть, силу! – закончил Агмунд.

Доман вышел из дома Пеласгия, глянул мутно на сидевших за столом мельника и его гостей, зашагал в сторону мельницы. Ставр метнулся от тына. Его и Домана скрывал густой орешник.

– Зачастил ты на мельницу, Доман, – сказал Ставр, – тянет к зазнобе?

– Что зазноба... – махнул рукой Доман, – Отец послал глянуть, как на мельнице дела идут, а варяг с сестрой по своей надобности. Знаешь, Ставр, Элин мне по сердцу, всё бы отдал за такую! – сказал Доман с горящими глазами.

– Что ж мешает? Нешто боярский сын плохой жених?

– Да глядит она на меня, как на рохлю, мне бы в поход пойти, прославиться, да с добычей вернуться, тогда бы она не так смотрела. Ты вон, сегодня, а? Бросился да и спас её... Хороша девка, а, Ставр?

– Красивая. С такой и потонуть не страшно, – задумчиво ответил Ставр. – А что на боярском подворье, всё ли ладно?

– Валент по-прежнему своевольничает. Может, и ворует знатно, но пользы от него много. Отец доволен, говорит, мол, ключарь служит верно. В прошлом году собранным житом заваляли все амбары и клетки, а грек надоумил отца не везти сразу хлеб на торг, а подождать до первого снега. Цена тогда подскочила и прибыль вышла немалая.

– Помню, – сказал Ставр. – Хлеб не всякому был по карману, смерды только и спасались шишками да репой...

– А ещё доход идёт с бортей, мёд, да и воск в цене. Валенту награда да почёт за хозяйский догляд. Теперь ходит по двору, следит, как дворовые закрома чистят, в каждую щель заглядывает.

Воспоминания о бортях, да о боярском подворье огорчили Ставра.

– Подальше от господского двора, да с глаз Валента, оно и лучше. Вольно ему лешему треклятому в своём болоте орать, а тут знай, работай, мешки с житом таскай, так я к этому привыкший, – сказал Ставр.

Пеласгий появился – будто гриб из земли вырос. Ставр и Доман не услышали. Умел старик ходить бесшумно. Он почтительно посмотрел на Домана.

– Что скажешь, боярич Доман? Всё ли ладно на мельнице?

Доман смутился. Оробел, сам не ведая – отчего. Лицо Пеласгия было спокойно и важно, загорелая кожа потрескалась густой сетью складок и морщин. Из-под косматых бровей прямо смотрели серые глаза. Доман окинул взглядом мельницу и несмело сказал:

– Да, всё вроде... как след... Место пригожее, да уж больно пустынное. Врагов не опасешься, старик? Ты здесь со своими людьми один. А ну как лихие люди придут, пограбят да убьют?

– Небось не пограбят, знают, что мельница боярского владения. Боярина Радомера побоятся. А я что ж, я тут на своей земле, – сухо ответил Пеласгий, – меня тут и зверь всякий почитает и птица. А прочь того, – прибавил он, доставая из-за пазухи рог, – вот моё оружие, иного мне и не надо. Чуть только звук разнесётся по лесу, его сразу поймут.

– Кто поймёт, Пеласгий? – спросил Ставр.

– Да ведь кому надо, те и поймут, – спокойно ответил мельник.

– Стало быть, чужаки тут не бывают? Окромя варягов? – спросил Доман.

– Бывают и чужинцы, – сухо ответил Пеласгий. – В начале года, по весне, был тут один хазарин. Человек смирный, не купец и не смерд, да только человек он не чистый. Когда стал молился своим чёрным богам, сначала руки-ноги помыл, а потом завыл по-звериному. Я его спровадил, чтоб не принёс земле порчи.

– Хазарин? – тихо спросил Ставр и посмотрел на Домана.

– Как есть – хазарин, – подтвердил Пеласгий.

– Знаем мы этих хазарей, – гневно сказал Доман. – Ходят по княжеству, дороги разведывают, броды ищут на реках, зарубки делают на деревьях. Чтобы войско потом провести...

– Тот был тихий, не такой – медленно ответил Пеласгий.

– Так и что с того? – воскликнул Доман. – Князь Рогволод да Тур не позволяют чужим слоняться по княжеству.

Мельник вдруг усмехнулся, снял с пояса небольшой рог, протрубил. Низкие звуки понеслись над водой. Рокот, тихий и завораживающий, волновал не только людей. Стреноженные кони вздрогнули, забили копытами, мотали головами. Протрубив, Пеласгий степенно распра-

вил косматую бороду. У его ног зашевелилась трава. Ставр и Доман быстро отступили от старика. Из травы показалась голова ящера, а затем и все чудище целиком – чёрный обрубок, на четырёх коротких лапах, не более трёх пядей в длину.

– Не бойтесь, миряне. Сей аспид мне вроде друга, – спокойно сказал Пеласгий и протянул ящеру на ладони кусок лепешки. Ящер быстро съел угощение и прилёг у ног старика, ворочал хвостом. Ставр и Доман застыли напротив Пеласгия, не в силах отойти. Они не могли отвести взоров от мерцавших черных глаз ящера.

– Ставр! – услышал сын бортника громкий окрик и не сразу узнал голос северянки Элин. Черная молния сверкнула в траве, хлюпнуло в бурой воде. Исчез ящер.

Застучали копыта, хрипели горячие кони. Элин остановила коня, натянув поводья. Рядом гарцевал на вороном суровый Агмунд.

– Подойди, кривич! – крикнула Ставру Элин.

Ставр оглянулся на Пеласгия и Домана. Старик и боярич с интересом пялились на варяжскую девицу и ее чернобородого брата. Агмунд усмехался. Ставр приблизился к Элин. Ловко изогнувшись в седле, Элин наклонилась к юноше, бросив повод. Сын бортника почувствовал, как прильнули на мгновение к его губам горячие уста светловолосой красавицы. Миг, один сладкий миг длилось несказанное счастье.

– За мое спасение тебе! Здрав будь!

Быстро выпрямившись в седле, Элин ударила скакуна пятками по бокам. Конь рванул с места, взметнул копытами речную гальку. Ставр растерялся, смотрел вслед удалявшимся Агмунду и его сестре. Взгляд Домана обжег. Боярич толкнул в плечо замешкавшегося мельника, заорал.

– Что заснул, старый лешак! Коня вели подать! Живо!

Пеласгий бросился звать работников. Вскоре и боярич мчался прочь от мельницы, рискуя соскользнуть прибрежной глины в Полоту.

Ночью на сеновале дружно храпели работники Белян да Верига. Ставр не мог никак заснуть, хотя наломался за день немало, разгружая мешки с зерном. Все грезился светлый осенний день: желтые листья, быстрая вода, улыбка северной красавицы, одарившей его за смелость с несказанной щедростью. Как неожиданно смело вторглась она в его убогую и смиренную жизнь? О сестре чернобородого варяга хотелось думать нежно и трепетно, тысячу раз вспоминать ее речь, походку, светлый взгляд.

Но кто он? Жалкий раб, вынужденный ютиться там, где прикажут сильные люди. Как посметь мечтать о ней, деве-воительнице, хранимой доблестью отважного брата-викинга? Никогда не стать гордой Элин его суженой, любимой, единственной. Такая девица разве что бояричу, сыну родовитого отца под стать, но не ему, Ставру, отверженному смерду.

Перед рассветом сон одолел. Ставр видел отца, идущего по громадному лугу, на котором гудели, сшибались в полете мохнатые шмели. По небесной лазури совершал вечный путь бог Ярило в сияющей колеснице. Но хмурились вдруг небеса. Загремел гром, начался ливень. Вспыхивали и угасали страшные видения. Чернели скользкие тела ящеров в бурной реке. Пеласгий шествовал по водам, будто по суше, разбрасывая во все стороны серебряные яблоки. И бил, бил по незримой наковальне чей-то звонкий молот, сыпались снопами пылающие искры.

Ставр очнулся, когда раздался у избы мельника первый петушинный крик. Всё ещё сопели в углу под стропилами сонные Белян да Верига, зарывшись в душистое сено. Вскочив, он переступил через тела работников. Спустился по хлипкой приставной лестнице с сеновала, припал к бочке с дождевой водой, плескал в лицо. Мысли путались. К чему то, что привиделось в снах? Боги указывают на луга, на странных тварей, живущих в тайных омутах. Путеводные знаки. Но где же сам путь к тайне?

Не сидеть на мельнице, идти, бежать, искать. Душа Бояна мается без отмщения. Но кого искать или что? Перемахнув через тын, Ставр побежал по тропе, уведившей прочь от двора

Пеласгия. Озарило. Кузнец Дубец! Он принес весть о гибели отца. И, возможно, именно Дубец был последним, кто видел отца живым.

Сын бортника вспомнил, как прятал взор коваль, когда Ставр просил его рассказать без утайки: как тот нашел отцовскую котомку на болоте? Что-то не договаривал, таил кузнец. Значит, надо еще раз попытаться вывести его на чистую воду. Северянка Элин, ее брат-воин стали бы действовать именно так – быстро и решительно, думал юноша.

На восходе солнца Ставр быстро бежал по лесу, примыкавшему стеной к Воловьему болоту. Он искал тропу, которая выводила из дубравы напрямиком к кузнице Дубца.

Видения кузнеца

Чёрный дым поднимался столбом из болотистой низины. Дубец поставил кузницу на пологом уступе, который возвышался над старым торфяником. От посторонних глаз заслоняли заросли орешника, бузины, калины. Но выдавали кузнечный промысел дым, да гулкие удары молота, разносившиеся ветрами по лесам окрест.

Ставр остановился у прогалины, за которой лесная дорога поворачивала к зарослям осоки и камыша. По пути он выломал увесистую суковатую дубинку. На всякий случай, чтоб с большей уверенностью добиться правды от лукавого кузнеца.

В густом осиннике, среди серых стволов, богато убранных дрожащей красноватой листвой, мелькало светлое пятно. Долговязый, нескладный парень ковырялся заступом в земле, выворачивал блестящие, отливавшие ржой пласты, грузил комья на деревянную тачку. Подойдя ближе, Ставр увидел, как потемнела от пота рубаха работника – добывать руду на болоте было нелегким делом.

Работал заступом Прокша, ровесник Ставра, из ремесленной слободы в Заполотье. Двор его располагался неподалеку от боярской мельницы. Иногда Прокша подрабатывал у мельника Пеласгия, чинил затворы, что перекрывали воду на плотине.

– Да не оставит тебя Сварог своей заботой! – в пояс поклонился Ставр старателю.

– И тебя пусть не минует его благодать, – ответил Прокша, разгибая нагруженную спину.

Он пристально оглядел Ставра с головы до ног. Покосился на суковатую дубину.

– Почто от дела лытаешь? Неужто на мельнице работа кончилась? Это у Пеласгия-то, не верю, – усмехнулся Прокша, сощурившись на солнце, стоявшее уже в самом зените. – Али нужда привела? А дубина на какого зверя?

– Работы у Пеласгия столько, что и не переделать, как всегда. Да что мне Пеласгий, – помрачнел Ставр, поигрывая дубьём, – За советом я, хозяина бы твоего, коваля Дубца, пови-
дать.

– В кузне Дубец, занят. Мне скажи, передам.

Ставр помолчал, переступая с ноги на ногу. Прокша ждал. Удары молота затихли. Неподалеку вдруг раздалось конское ржание. Застучали копыта. Ставр увидел, как по тропе от кузницы помчался всадник. Над просторным черным плащом с алой каймой развевались седые космы. Всадник горячил застоявшегося коня, бил в бока сапогом.

– Светозар! – воскликнул Ставр. Он не ожидал увидеть здесь жреца.

Ставр часто видел величественного Светозара на боярском подворье, в окружении витязей, варягов и лучших мужей Полоцка. Жрец гордо выступал, неся на могучих плечах красивую голову, увенчанную копной волос, серебряных от обильной седины. Тонкий нос с горбинкой, впалые щеки, темные пятна на висках. Но всего замечательнее глаза – они жгли, бередили душу, сверкали желтыми болотными огнями, впиваясь в того, кого удостаивал Светозар своим вниманием. Перед Светозаром немели подчас князья. Не могли перечить, забирали данные однажды сгоряча слова княжеские обратно и соглашались с доводами любимца богов. Его доводы трудно было опровергнуть.

Но что нужно было Светозару на подворье бедного кузнеца, промышлявшего починкой лемехов? Ставр увидел, как тревога мелькнула в очах Прокши: кузнечный подмастерье замер на месте, будто заледенелый, пялясь вслед удалявшемуся жрецу. Ставр хотел спросить Прокшу о Светозаре, но подмастерье грубо толкнул сына бортника и решительно шагнул в торфяной раскоп, принявшись за работу. Из ямы вновь полетели жирные комья.

Ставр направился туда, откуда все еще вздымался в синее небо черный дымный столб. Вновь зазвенел в осиннике молот. Грохот все нарастал и нарастал, когда Ставр приближался к низкой бревенчатой избушке, скрывавшейся в зарослях. Железный звон, будто опутывал

по рукам и ногам, движения давались Ставр с трудом. Ноги не хотели нести его к кузнице. Сердце замирало.

Кузнец, Ставр ведал это от отца, не просто ремесленник, каких немало в славном граде Полоцке. Недаром кузница стоит на отшибе, у лесной чащи или где-нибудь на уединенном плесе озерного островка. И путь к кузнице сродни дороге к обиталищу чародеев. Что ждет – неизвестно.

Направляясь к Дубцу Ставр, как и советовала мать Малуша, истово молился. Он просил Сварога, раздувавшего в тайных мирах горн небесной кузни, подарить ему милостивую встречу с ковалем Дубцом. Ставр думал, что Дубец сможет рассказать ему о том, куда направился отец. Ведь перед каждой охотой на матерого зверя, так было заведено, Боян обязательно посещал кузню. С плохим и ненадежным оружием идти в схватку зазорно, опасно. Обломается клинок или наконечник копья соскочит в самый трудный миг...

И тогда придется заплатить за промашку, за собственную оплошность и нерадение горячей кровью. Своей, не чужой.

И потом – кузнец, как никто иной, мог прозревать то, что не суждено было ведать простому смерду, холопу и даже боярину. Он мог увидеть сокровенное в раскаленном добела куске железа, читая судьбы в переплетениях синих и оранжевых линий, плясавших на исторгнутой из бушующего пламени горна полосе.

Низкая и дымная дверь кузни притягивала Ставра все ближе и ближе. За пару шагов до нее Ставр остановился и медленно опустился на колени. Он смахнул с головы шапку и склонил голову. Губы шевелились беззвучно – просьба к Сварогу, мольба о его благословении уносились в небеса. Ставр терпеливо ждал, опираясь на дубинку.

С куста бузины медленно и неотвратимо срывались капли недавно прошумевшего ливня. Тонкая осина шептала что-то легкому ветру, запутавшемуся в дрожащих ветвях. Ставр ничего не слышал. Он видел перед собой только черный провал кузни, где за дымной завесой, в шипении ухал молот Дубца.

– Встань, – услышал Ставр голос Дубца, когда вокруг воцарилась тишина. Кузнец стоял перед сыном бортника, широко расставив ноги, обутые в постолы сыромятной кожи. Русые пряди были перехвачены ремешком. На широкой груди синели два зверя, грызущие горло один другому в бешеной схватке.

Голос Дубца звучал строго. Что-то внутри оборвалось, пропала прежняя решимость. Ставр хотел бросить дубинку, проклиная себя за то, что выломал ее. Не решился, тащил за собой.

Он медленно поднялся на одно колено, но ноги не слушались, подгибались. Дубец шагнул к парню и подхватил его железной рукой.

– Помоги, помоги, коваль Дубец, молю тебя, не оставь, помоги, – шептал Ставр, уронив шапку в траву.

– Пойдем, Ставр. За правдой пришел? Хорошо, что смогу, скажу...

Дубец кивнул на дубье.

– А это брось. Ни к чему.

Ставр выронил дубину. Кузнец повел парня под бревенчатый настил, который примыкал к одной из стенок приземистой кузницы.

– Отец твой был у меня намедни, – сказал Дубец, когда Ставр поделился с ним своей бедой. – В дальний путь Боян собирался. Я уж было подумал, уж не на ватажный промысел с варягами аль с младшим князем. Слышно, говорят, по Двине на север повадились полоцкие удалыцы?

– Разное на дворе боярина Радомера баят. На новгородские земли князьи люди идут. И на ливские. А кто и до франков добирается, до греков. Вот Доман, младший сын Радомера, о такой славе мечтает. Хочет воином стать, чтобы все склонялись перед мечом его.

– Дивно ли это? Отроку мужей сильных о войне мечтать сроду написано.

– Боярину боярское пристало, – согласно кивнул Ставр.

– А ты, что ж, не мечтаешь о подвигах? Неужто нет? – усмехнулся кузнец.

– Зачем подвиги мне? Куда нам? Пусть подвигами князья да бояре пробавляются. Для ватажного промысла меч или топор нужен. Кольчужная броня не помешает. А когда сестру да мать не накормить досыта, то не до подвигов. Да и отец никогда меня не учил, что слава у того кто ловчее у голодного кусок вырвет.

– А отвага? Храбрость? Сила? А милость богов пресветлых?

В очах коваля плясали лукавые искорки. А между тем лицо его, темное, с глубоко врезавшимися в кожу крапинками окалины, грубо высеченное, как казалось Ставру, из цельного куска столетнего дуба, было бесстрастно.

– Что проку в отваге да силе, когда с голыми руками на врага оружного идти?

– Не скажи, паря. Что мой меч супротив лукавого да умного, пусть и безоружного? Пустяк! Мысль – вот самое грозное оружие. Настигает быстрее любой стрелы, ранит острее любого клинка.

– Помнится, жрец Светозар вот так же на пирах в палатах боярина Радомера сказывал. Не он ли тебя научил, Дубец?

Кузнец промолчал. Внезапно он обернулся к Ставру всем корпусом, по-звериному. И усмешка, скользнувшая по запеченным, сухим губам, показалась парню волчьей.

– Вострый глаз у тебя, паря, многое замечаешь. Да только будет ли прок? Коли не в своем углу сор высматривать взялся...

Желтый яростный свет вспыхнул перед очами. Ставр был готов вскочить с места, вспылить, крикнуть в лицо кузнецу. К чему все эти разговоры, раз не хочешь помочь, не хочешь сказать, где искать отца? Но неведомая сила приковывала его к месту. Он смотрел в лицо коваля, а Дубец прикоснулся к его щеке корявым черным пальцем. И вновь усмехнулся, будто с думой о своем, потаенном.

– Прокша! Где ты там? Эй, Прокша! – зычно крикнул коваль. На его зов явился подмастерье. Молча встал у кузни.

– Чашу подай да приготовь все, что следует, – приказал Дубец.

Прокша пропал, будто сквозь землю провалился. Ставр ничего не понимал, что сказал этот сидевший перед ним бородач. Но кузнец толкнул его в плечо и сказал.

– Ступай за мной.

В кузне на печи, вмурованной в выложенную из камней стену, что-то кипело в горшке. Прокша зачерпнул из варева деревянной ложкой, наполнив чашу, искусно украшенную резными узорами и письменами. Ставр не знал, о чем могли рассказать надписи на чаше. Но размышлять об этом или спрашивать у коваля было недосуг. Прокша заставил парня выпить все до капельки. И в голове Ставра загудело, мерно что-то стало бить в висках. Он не видел света, только сиреневую мглу, которая охватывала его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.